

Ника Январёва
Щясте

Роман-лего

Ника Январёва
Щясте. Роман-лего

«Издательские решения»

Январёва Н.

Щясте. Роман-лего / Н. Январёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909232-8

Роман является заключительной частью трилогии. Он легко распадается на фрагменты, потому — лего. Читайте, как вам вкуснее: сплошь или отдельными повестями: о Кэтрин, Маришке, Лёне, Серёге, Ольге и Юле. Хронология намеренно сбита: время у каждого своё. И пространство. Действие происходит в разных странах, куда наших героев забросила фортуна. Развязка неожиданная, ванили больше не будет, ищите её в первых книгах: «И пели ей райские птицы», «Слепая любовь».

ISBN 978-5-44-909232-8

© Январёва Н.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1. Юрий	7
Глава 2. Кэтрин. Горькие вести	8
Глава 3. Кэтрин. Матроски	10
Глава 4. Сергей и собаки	12
Глава 5. Маришка и Ольга	14
Глава 6. Цунами	16
Глава 7. Олег	18
Глава 8. Авария	21
Отъезд в Германию	23
Глава 9. Леонид. На берегах Невы	24
С ней не соскучишься!	26
Сложно...	28
Глава 10. Как росла Юля	30
Глава 11. Тётя Зина	33
Оля о том никогда не узнала...	34
Глава 12. Светлана и Серёга. Рынок	36
Ателье после продажи	37
После суда	38
Возврат долга	39
Личная жизнь	41
Глава 13. Кэтрин. ПМЖ – Германия	42
Глава 14. Марина в Кении	44
Дерзкие планы	46
Трущобы	47
Каток	50
Национальный парк	51
Фитнес	53
Новый год	55
Под спудом тел	57
Глава 15. Ольга и Светлана. Прогулки с Альмой	59
Глава 16. Юля в школе и после	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Щясте Роман-лего

Ника Январёва

Рисунок Мария Лосева

© Ника Январёва, 2018

ISBN 978-5-4490-9232-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Кто-то верхний поймал тебя, и давай перебирать твоими пальцами по клавише. Ты не понимаешь, что именно стучишь, мозг отключён, и критичность вернётся потом. А пока стучи, что велено, ты лишь инструмент. Позже придёт понимание, что же именно стучишь и зачем. Открыли тебе глаза на вещи или запечатали. Позволили кем-то быть или воспользовались как медиумом, пустым, бессодержательным в этот миг. Вернёшься каким? И в тот ли мир? Или тебя ненароком закинут в параллельное пространство, где мало что не так. И очнёшься другим. Чуть, слегка. И тропку выберешь чуть вбок. И поковыляешь чуть не туда. Как надо им. К добру или худу? К финалу ближнему или дальнему, своему или уже чужому, без них или к ним. Это мираж. Но кто же тогда барабанит сейчас по клавише с таким напором и без пауз?

Стоп. Когда общаешься с неделёким или слишком далеко забредшим в лабиринтах разума, теряешь почву под ногами. Зачем мне казаться странной? И так уже странна. Не стряхнуть и не отстраниться. Симбиоз. Как без него, если вместе? Отсекая живые потоки. Этот замкнувшийся мир. Срочно меняем образ! Себя, мира, жизни и прочего. Как? Ты знаешь. Но хочешь ли знать? Выпустить это знание наружу? Боишься кинуть, но только в этом может быть спасение для обоих. А если крах? Как жить, отстранившись и зная, что манипулятор лишился возможности манипулировать, единственной своей функцией, которая ведёт к прокорму? Как упустить его из виду? Как не предвидеть финал?

Мышцы атрофируются без движения. Может быть, эта рука – единственный ещё живой орган? Зачем? Если утратится ежедневная навязанная потребность, что последует за этим? А если она – тот остов и смысл всего существования конкретного индивидуума? Просто – кормить и сопротивляться выходкам. Преодолевать в себе отвращение. И смысл только в этом? Он улетит. Однажды это свершится. Иссохшая ветвь иссохнет совсем.

Надо ли отстраниться и дать ей упасть? Надо ли дожидаться её самораспада? Вакуум, тлен. Решение самое простое – ждать. Тратя себя и годы. Но на что бы они ушли без этого? Был бы в них больший смысл? Раз был смысл его прихода на землю. Это мираж. Призрачный мир. Ведь кроме меня его никто не видит. И не знает о его существовании. Это мой мираж. Это моя жизнь изнутри. Прошлого нет. Всё умерло. Смутный мираж. Странное я. Где эта бороздка за ухом? Сейчас нащупаю в ней микрочип. И в другой раз попрошу миссию менее размытую. Пусть отправят туда, где всё определённо и просто, без полутонов и... А как же он? Созданный силой моего воображения, он уснёт или выберется в следующий виток? Впрочем, я об этом вскоре забуду. Сухие ветки надо ломать...

Глава 1. Юрий

Вспоминая предсказание цыганки, тётя Зина каждый раз (случайно ли, намеренно – бог весть!) упускала из виду неожиданную паузу, странный изменившийся взгляд и готовые сорваться слова, которые гадалка поймала на самом кончике языка. Внезапное и яркое сбылось, степенная старость в окружении родных любящих людей, пронесших через невзгоды свою душу, – это ли не счастье? Что ж и желать ещё?

За полгода до двадцати семи лет, которые никогда не ощущались Юрием как значимый рубеж, вдруг принесли повестку в военкомат. Слепой 18-летний парнишка, естественно, получил вечный «белый билет» и никогда не задумывался ни до, ни после о военной службе. Но теперь, когда ему вернули утраченное в раннем детстве зрение, когда экстерном окончил школу и музучилище, стал трудиться наравне с людьми здоровыми, инвалидность с него сняли. И малолетняя Юлечка оказалась не в счёт: вот если бы двое ребятишек... И тётя Зина сплеховала, не подстраховалась вовремя справкой о слабости своего здоровья и необходимости ухода за ней ближайшего кровного родственника.

Так и вышло, что в совершенной прострации Юрий прошёл медкомиссию, был признан годным к армии и отбыл в далёкую воинскую часть, окружённый насмешливыми и дерзкими зелёными мальчишками.

Неожиданное это событие подкосило и Ольгу, застав врасплох. Словно кто-то верховный продолжал ставить ей подножки, дав лишь небольшую передышку и позволив на миг погрузиться в безусловное счастье.

«Но ведь это же всего только год!»

Глава 2. Кэтрин. Горькие вести

Кэтрин возвратилась из свадебного путешествия отдохнувшей, воодушевлённой, полной новых честолюбивых замыслов. Она решила непременно заявить свою музыкалку на конкурс негосударственных внешкольных образовательных учреждений. Кроме того, следовало добиться аттестации Юрия и двух юных преподавательниц без высшего образования в качестве педагогов-музыкантов. Это добавит молодому и малочисленному пока коллективу очков перед маститыми и прочно стоящими на ногах. Традиционный конкурс музыкантов тоже обещал быть захватывающим событием с интригой. Конечно, слишком большая дерзость – представить на него шестилетнюю пианистку Розочку и импровизатора-самоучку Юрия, но ведь и шанс такой, популяризировать свою деятельность в музыкальном сообществе города, упустить не следует. Мэтр обещал пособить в закулисье.

Сандра Горги, черноглазая девчушка восточной национальности, встретила её в коридоре теребящей выющийся кончик косы.

– Сандра, ты не на занятии?

– Нет...

Кэтрин подёрнула ручку двери, за которой сейчас по расписанию должен был идти урок Юрия. Сходила на вахту за ключом,пустила растерянную ученицу. Повторили выученные пьески, разобрали новые ноты. Кэтрин уловила в манере игры Сандры Юрины чёрточки. «Но почему же он не на работе?» Звонкий колокольчик позвал из классов. Кэтрин здоровалась с коллегами и детьми, в общем потоке спеша в учительский зал. С удивлением услышала: «Так он уволился, вот заявление». Надежда Робертовна достала из столика лист. Там стояло: «... в связи с отбытием на воинскую службу».

В крайнем недоумении Кэтрин звонила Ольге. Та расстроенным голосом подтвердила: да, призвали, вот видишь, как бывает...

Обычно сдержанная, Кэтрин в этот раз не находила себе места. У неё столько планов было связано с Юрием, она так привыкла видеть его три раза в неделю в своей музыкалке... Как же так может быть, что недавно обретший зрение человек вдруг становится солдатом? Этого нельзя было допустить, это неправильно, противоестественно и глупо! Тонкие музыкальные пальцы – не для оружия! Огород, земля – пусть, это созидание и польза. Но оружие – это смерть.

Рядовым разрешали общаться с родными не более десяти минут в день. В остальное время мобильники запирались в специальную камеру с ячейками. В случае марш-броска, полевых учений связи не было несколько дней. И тогда в голову лезли всякие мысли.

Юрин надтреснутый голос был скуп на эмоции, спрашивал о дочери и как растёт картошка в огороде. Тётя Зина, Ольга и Юлечка поочередно подносили к уху мобильник. Малышка удивлённо поднимала белёсые бровки и на вопросы отвечала, повторяя за отцом отдельные слоги. От себя многократно добавляла только: «Папа, домой-мой-мой!»

«Юра, ну как ты?» – в сотый раз спрашивала тётя Зина, украдкой сморкаясь в платочек. «У нас всё хорошо, мы очень тебя ждём!» – рефреном звучало фальшиво-бодрое Ольгино. Кэтрин лишь однажды уступили эти драгоценные минутки. «Юра, это неправильно! Они не могли забирать тебя!» Её голос звенел от волнения. «Я вернусь, это быстро, жаль, что подвёл тебя с музыкалкой...» Связь прервалась, от высказанного двоюродной сестрой протеста Ольга словно очнулась.

– Ты тоже считаешь, что его не должны были призывать?

И уже вместе они бегали по кабинетам людей в погонах, прорывались сквозь очереди и возмущения, кричали, доказывали, доставали справки и ходатайства, предъявляя всё новые аргументы, не исключая и верещащую Юлечку. И уже один важный чин согласился оказать

протекцию, выразительно моргнув Кэтрин, и она готовилась прийти к нему через неделю с конвертом...

Генка, новоиспечённый муж Кэтрин, страдал, про себя ухмылялся и испытывал унижение.

Юрий вернулся через полгода, в аккурат в свой день рождения. В цинковом гробу. Ольга и Кэтрин, обнявшись, рыдали у могильного холмика. Тётя Зина попала в больницу с сердечным приступом.

– Ну нет! Я это так не оставлю! – сверкнули гневом чёрные глаза Кэтрин.

Подобрав слёзы, оправив костюм, решительная и грозная, чеканным шагом вошла в приёмную важного чина, и секретарь даже не осмелилась воспрепятствовать, хотя в кабинете кто-то был.

Чин на полуслове прервал разговор и знаком удалил собеседника.

Кэтрин холодно выслушала его невнятное блеяние – выражение казённого сочувствия.

– Я требую провести служебное расследование!

В ответ – обтекаемые многословные фразы, ничего конкретного, отвлекающие, успокаивающие. И вдруг он нашёлся, вспомнил, заметно повеселел:

– Так вы же ему даже не родственница!

От неожиданности Кэтрин порывисто села. Появилось желание закурить и, размышляя, пустить в сытое противное лицо клубы дыма. Сигарет при ней не было – давно бросила. Чин тоже сел, в нетерпении дёргая кадыком.

– Доверенность от родственников устроит?

Иезуитски сощурился и отрицательно покачал головой. В дверь кто-то сунулся.

– Я занят! – вышло визгливо, с фальцетом. Явно хотел расставить все точки над «и» немедленно.

– Что нужно сделать родственникам для проведения расследования?

– Послушайте, в рапорте всё изложено предельно ясно. Это банальная пневмония. Простыл на учениях, пришлось лежать на земле, в лазарет сразу не обратился.

– Почему тогда в закрытом гробу?

Чин поиграл бровями, неопределённо хмыкнул. Нажал клавишу на пульте.

– Соедини меня с воинской частью номер...

Говорил отрывисто, внимал долго, отгородившись от Кэтрин. Она напряжённо вслушивалась. Досадливо крякнул, удержавшись от ругательства, грохнул трубку на рычаг.

– Вскрытие делал пьяный. До этого божился, что бронхит, диагноз надёжный, грешил на слабый иммунитет и что какая-то инфекция прицепилась. Упёрся рогом: не могла пневмония развиваться так быстро. А чего не могла, столько дней прошло. В общем, вскрыл грудную клетку, а там очаг в лёгких. Не снёс позора, махнул спирта и принялся исследовать все органы, распахал от и до. Не мог из-за лёгких только умереть так быстро, и всё тут! А чего не мог, дохлятик же с панкреатитом.

Юра – дохлятик?! Кэтрин хорошо помнила его широкие плечи, спортивную крепкую фигуру. И о панкреатите никогда не слышала. С ним призывают служить?

Чин спохватился, что сболтнул лишнее. Сделал нетерпеливый выпроваживающий жест.

– Всё, девушка, всё, идите с богом. Сами видите, некого наказывать.

Клокотавшее в ней негодование, помноженное на боль утраты, гнало вперёд: разыскать виновников трагедии, предать суровой расправе, если надо – поставить на уши самых влиятельных лиц. Добиться правды и возмездия! Правда оказалась банальной. Причина смерти, действительно, скоротечная пневмония.

Глава 3. Кэтрин. Матроски

На стене у тётки Зины в рамочке висела детская фотография Юрика. Этот портрет сделали после его отъезда: увеличили маленькую фотокарточку, которая уцелела после пожара. И то лишь потому, что тётя Зина всегда носила её на груди вместе с ладанкой и маленькой иконкой. Серьёзный пятилетний мальчик в круглых чёрных очках держал обеими руками деревянный кораблик с парусами. Русая стриженная чёлочка выбивалась из-под бескозырки «Варяг» с ленточками, матросский воротничок дополнял «форму».

Кэтрин часто забегала проведать и ободрить Юрину родственницу, могла до бесконечности слушать рассказы о его детстве за чашкой чая с вареньем. Взгляд её нередко застывал на портрете. Маленький, а лицо напряжено. И руки вцепились в кораблик, словно кто-то сейчас отберёт.

– Катя, так ведь и вправду отобрали! Купила я ему этот кораблик у мужичка на базаре. Чтоб дома в тазике запускать. А он захотел там, где ребята, за воротами. Положил в ручей, а кораблик так скоро поплыл, что я и оком не успела моргнуть. А ниже по течению мальчишки запруду устроили, там кораблик и очутился. У них-то все самодельные были, из щепок или бумаги, а тут вдруг – такой красавец приплыл! Юрик возгласы их восторженные услышал, заплакал. «Пойдём, – говорю, – мальчики нам отдадут твой кораблик!» Да не тут-то было. Вцепился один, на язык такой бойкий оказался: «А чем докажете, что ваш? Мы его нашли! Что упало, то пропало!» Я со всем своим педагогическим опытом еле убедила вернуть игрушку. А Юрочке в утешение сшила эту матроску и купила бескозырку. Долго он с ними не расставался, наставлять рукава пришлось не раз. А кораблик только во дворике нашем запускал, и потом его у постельки своей клал, когда спать ложился.

В ателье Кэтрин не спеша выслушала все новости. Дела шли в гору, заказы в преддверии Нового года не переводились, постоянные клиенты тоже захаживали. И прежде немногословная, владелица рассеянно покивала и присела за свободную машинку. Вероятно, кто-то сегодня болел или отпросился. Чуть слева от неё шилось детское платьице, белое в синих горохах. Ткань легко скользила из-под лапки машинки.

– Скажите, а у кого-нибудь знакомые мальчики носили в детстве матроски?

Улыбки на удивлённых лицах, единодушная реакция:

– Да... А как же!.. И у меня...

Швейные машины умолкли. Работницы, точно только этого и ждали, принялись наперебой рассказывать, как мальчишки гордились своими матросками, с каким трудом их можно было достать в магазине и как все завидовали, если кому-то мать разрешала носить без повода, в любой день.

– А почему мальчишки? У меня тоже была матроска, специально под синюю юбку.

– А помните, во времена Чехова даже и у девочек постарше была такая мода, у гимназисток, кажется. На старинных фото часто встречается.

Кэтрин за час узнала столько всяких подробностей о матросках, что ни одна энциклопедия не сообщила бы ей больше. И идея возникла как бы сама собой...

У постоянного поставщика Кэтрин тут же заказала большую партию подходящей ткани. Решили шить матроски, бескозырки, клёши для мальчиков и юбки нескольких фасонов для девочек. В расчёте на новогодние утренники и карнавалы.

Первой моделью Кэтрин выбрала племянницу Юлечку. Ярко-синяя юбочка в складку, белая с полосато-синим воротом и нарукавниками матроска. На подоле и нагрудном кармашке вышиты золотом якоря. Тётя Зина обняла внучку и расплакалась: сходство с Юрием бросалось в глаза. Устроили малышке фотосессию и отправили снимки с рекламным слоганом в местные издания. На окно-витрину ателье девочку в матроске поместили тоже. Впрочем, с demonstra-

цией ребёнка переборщили: после «рекламной кампании» Юлечка один только раз согласилась надеть матросский костюм – сдавшись на новогодние посулы бабушки Зины.

А Кэтрин... Возможно, её это вылечило. Кэтрин проводила швей домой, а сама после закрытия ателье принялась строчить на машинке. Сегодня пришёл основной заказ ткани, и успели сделать раскрой на несколько размеров. Под утро на столе возвышалась гора готовых матросок. Сквозь строчки и синие полоски мелькало перед Кэтрин Юрино детское лицо с фотографии. Когда её глаза уже слипались, он вдруг заулыбался и сказал, что это для него самый лучший подарок.

Утром Ольга позвонила и спросила, пойдёт ли Кэтрин с ними в церковь и на кладбище – сегодня сороковой день.

Они утоптали снег вокруг могилы, перчатками смахнули с холмика, обнажая мёрзлую землю. Оля положила красные гвоздики. Кэтрин распахнула сумочку и достала новенькую матроску. Сбегать за корабликом она не успела. «Юрочка, я обязательно принесу тебе деревянный кораблик!» – пообещала мысленно. «Папа!» – пронзительно закричала Юлечка, увидев на кресте знакомое фото. Испуганная криком, с ближайшего дерева сорвалась какая-то большая птица, роняя с веток клочки снега, и ринулась прочь.

Глава 4. Сергей и собаки

Наверное, в восемнадцать Серёгиных лет это было блажью. Но поступить иначе не получилось.

Он шёл с работы мимо гаражей и полуразрушенных сараюшек, где прежде местные жители разводили всякую живность: кролики, поросята и даже гуси, а также курочки и козочки паслись то и дело в рощицах и на лужайках. Хозяева жили в пятиэтажках поблизости. Было время, когда массово засаживали картошкой отбитые у чертополоха и тимофеевки пустыри. Когда клубни становились весомыми, на общественных началах даже организовывались дежурства по ночам.

Но штука в том, что всё это – и боровки с картошкой, и сарайки с живностью – было самопальным, никак не оформленным. И предсказуемо настал момент, когда местные власти приказали ликвидировать самострой и посадки.

Притулившись с тыльной стороны гаражей, покинутые и полуразвалившиеся, постройки стали временным приютом опустившихся личностей. Когда ими заинтересовалось расположенное неподалеку отделение милиции – костры в соседстве со стихийными горами хлама представляли угрозу – бомжи нашли для себя более скрытные пристанища в чаще рощ, коих на окраине города было предостаточно. А на смену людям пришли такие же вольные и свободные в выборе жизненного пути собаки.

И вот сейчас Серёга наткнулся на выводок: несколько резвых и толстых щенков в сопровождении двух среднего размера дворняжек. Мамки были чёрные; та, что повыше, с короткой шерстью, другая кудрявая. И щенки преобладали чёрные, некоторые с белыми или коричневыми пятнами. Детвора резвилась на вытоптанной травке, возле мисок: всегда находятся сердобольные старушки для таких случаев. Мамки держались поодаль, не препятствуя Сергею подойти и оглядеться. Заржавелый остаток сарая, с провалившимся верхом и без дверей, зиял внушительным подкопом. Именно там вывели потомство собаки. Им повезло оцениться в конце тёплого и сытного лета.

На развёрнутые бутерброды семейство не набросилось, барбосики явно были сыты и желали поразвлечься. Беззаботные щенки весело возились и повизгивали, лоя Сергея за протянутые пальцы, охотно подставляли вихрастые загривки и молотили короткими тонкими хвостами. Они были уже вполне самостоятельными и явно нуждались в обретении хозяев. Сергей кинул куски взрослым собакам, которые стояли в отдалении и не решались подойти на его призывы. Тряся отвисшим выменем, подруги сжевали хлеб с колбасой.

Назавтра Сергей застал всё семейство посреди тропки. Неподалёку в роще компания жарила шашлыки и, видимо, мамки вывели деток для обучения хлебному промыслу. Впрочем, подойдя ближе, парень увидел, что трапеза подходила к концу, щенки довольно облизывались, а кто-то продолжал ещё сладко хрустеть. Серёгины сосиски успеха не имели, он почистил их от оболочки и сложил возле норы.

«Который – кудрявый или гладкий?» – думал парень, засыпая в тот вечер. Он выбрал чёрную, с толстыми лапами и подпалинами на животе, похожую на овчарку, гладкую девчонку. На шее под мордой извивалось подобие кокетливого галстучка. По большому счёту, внешность значения не имела. Но кудрявые длинношёрстные красавцы наверняка приведут мать в ужас обилием шерсти во время линьки.

Как отнесутся мать и отец к новому жильцу, Серёга даже не думал. Он просто знал, что один из барбосов, встретившихся на его пути, непременно поселится в их опустевшем с переездом сестёр доме. И ему, младшему баловню, родители не станут перечить. К тому же, отношение к Джиму показало: собак в их семье любят.

Только полгода и пришлось им пожить вместе. Лжеовчарка Альма из толстого увальня превратилась в долговязого подростка и неузнаваемо вылиняла: прежде совершенно чёрная голова теперь стала коричневато-рыжей, как и лапы. Если бы не фото, поверить в такие метаморфозы было непросто. «Вот и дворянское происхождение вылезло!» – смеялась Светлана. Изменился под влиянием обожания и характер зверёныша: злобное рычание и хватание за пятки (очевидно, следствие жизни в большом коллективе) остались в прошлом, жизнерадостный зверёк теперь готов был дружить с каждым человеком и каждой встречной собакой.

Вскоре Серёгу призвали в армию. И как-то само собой получилось, что Альма выбрала на роль новой хозяйки Ольгу. Тётя Зина и Юля были рады.

Глава 5. Маришка и Ольга

В каникулы, как и обещала, Марина привезла своего негра знакомиться с родственниками. Реакции следовало ожидать: восторга эта партия не вызвала, так что, остановившись в гостинице, Марина и Ортего поступили разумно.

Посидели, конечно, за общим столом у Гладковых, ведя «светские разговоры» о погоде и вкусоности приготовленных Светланой и Мариной блюд. Потом утомлённый вниманием новоиспечённый муж отсиживался в номере у телевизора. Его «половинка», перебегая из дома в дом, общалась с родственниками и старыми друзьями. Забежала к сестричке, потетешкалась с Юлечкой, поговорила и повздыхала с тётёй Зиной о Юре.

Потом новая, благоухающая дорогими духами, повзрослевшая Маришка отозвала Ольгу в сторону. Они присели на лавочке во дворе.

– Сестрёнка, знаешь, с кем я недавно познакомилась?

У Ольги непроизвольно сверкнули глаза.

– То есть это ещё не все сюрпризы?!

– Это совсем другое, – отмахнувшись, нахмурила хорошенькое личико Маришка и нехотя уже продолжила: – Меня нашла в «Одноклассниках» жена нашего дедушки!

Ольга не смогла сдержать возглас изумления. Вихрь эмоций пронёсся в ней.

– Какого дедушки? Из Сибири? А маме ты сказала?

– Да мама слышать об этом хочет ещё меньше, чем об Ортего.

Маришка шумно вздохнула, но событие было такого масштаба, что в одиночку не справиться точно. Легко откинув завиток чёлки, защебетала с воодушевлением:

– Олечка, ты бы видела, как они живут! Конечно, из Сибири они давно перебрались в Москву, у них такая «двушка», что нам и не снилась, всё по высшему разряду. Дед, сразу видно, чел без промаха. Чутьё у него на конъюнктуру.

– Как же им удалось так устроиться?

– Да там что-то с акциями связано, я в этом не очень разбираюсь. Слушай, Оль, но какая ж у него жена! Выглядит лучше мамы, ухоженная, одевается с шиком, а какие манеры – ну, прямо из дворца! И обстановочка у них...

– Внучатая мачеха – или кем она там нам приходится? – тебя явно околдовала! – с сарказмом поддела Ольга. Ей очень не понравилось замечание в адрес мамы. Маришка нервно хихикнула.

– Ты мне лучше – что там с акциями, как так получилось, расскажи.

Маришка поджала губки – ей явно хотелось в красках поведать о новообретённых родственниках. Но раздражать сестрицу она не стала. А то чего доброго останешься совсем без единомышленников. Что скверно и недальновидно.

– Ну, когда завод перевели в акционерное общество, дед был не последним человеком и вовремя подсуетился, получил большой пакет акций. На собраниях у него много голосов всегда было, а это невыгодно более крупным акционерам. У деда характер крутой, они вдоль, а он поперёк, да и ещё другие его поддерживают, чтобы насолить начальству. В общем, предложили ему продать эти акции, а он хорошую цену запросил. И оказался в шоколаде. Потому что быстренько свою квартиру продал и смотался в Москву, а на заводе такие разборки начались, что кого-то даже постреляли. А потом перекупили, переделали, развалили всё, и теперь уже от завода только рожки да ножки остались. А дед на пенсии живёт себе припеваючи.

– Так ведь он совсем древний уже, наверное!

– Нет, ты знаешь, он таким бодрячком, на жену покрикивает, совсем не развалина. У него юбилей скоро, семьдесят пять. И он очень хочет, чтобы все мы, родные, приехали его поздра-

вить, чтоб было полноценное торжество. А мама... Ну что там за старые счёты и обиды, я не понимаю!

Ольгино ухо с неудовольствием уловило капризные нотки.

– Марина, ты ведь читала письма нашего прадеда, у Зориных, помнишь? И наверняка слышала не раз, как дед обошёлся со своими детьми. Чему ж тут удивляться.

– Знаешь, Оля, мне всегда казалось, что это просто какое-то недоразумение. Мало ли кому что показалось. В детстве, конечно, всё острее воспринимается. Я думаю, это субъективный взгляд. Павел очень любил своего деда, раз тот его воспитывал до шести лет, а мама их могла умереть от разных причин, тогда медицина была куда хуже нынешней. Например, мастит запустила или застудила что-то. Может, не надо было деда бросать, он же их один поднимал и как мог, старался. Экономный он, конечно, но ведь хозяйство так и надо вести. Может, он им на будущее копил, на учёбу, на свадьбу, как тогда принято было. А они сами хороши оказались – мама замуж в семнадцать лет выскочила, даже мед свой не закончила ещё. А Павел вообще отличился... Нет, я ничего не имею против такой сестрёнки, как Кэтрин, но всё-таки, согласись, история весьма пикантная.

Ольга против воли тоже прыснула в ладонь. Десятиклассник, соблазвивший учительницу, да ещё иностранку – это во все времена не рядовое событие. Можно только догадываться о городских слухах, сопровождавших отъезд Павла, и о возникновении местных легенд. Но дед... Ненависть к нему была впитана чуть ли не с материнским молоком. В семье поминали о нём чрезвычайно редко и всегда негативно.

– Мне кажется, дед сам по себе неприятный человек, разве нет?

– Знаешь... – Маришка слегка замялась, раздумывая. – Я общалась в основном с его женой, очень милая дамочка, она мне по переписке сразу понравилась. И так искренне уверяла: дед будет мне очень рад, он сожалеет о семейном раздоре, что мама и Павел от него отвернулись. Я бы не сказала, что он такой уж любезный лапочка, грубоватость в нём рабочая чувствуется. Но это у них с папой общее. Такой рабочий стержень. Да вот, давай я тебе фотки их покажу!

Маришка расстегнула клатч и стала рыться в телефоне. Ольга жалела времени на компьютер, в «Одноклассники» заходила редко: совсем немного было людей, с кем бы она охотно пообщалась. Под пальцами сестрёнки мелькали разноцветные фото: миловидная стареющая дама в вечернем наряде под руку с сухощавым и бодрым стариком. На нём строгий костюм с давящим галстуком; жёсткие чёрные волосы, не поддающиеся расчёске, – как у Павла, только без проседи. Взгляд с прищуром, настороженный и недобрый. Или так кажется? Его спутница, безусловно, вызывает симпатию.

– Оля, ты знаешь, он мне серьги подарил. Я их носить боюсь – такие тяжёлые, уши оттягивают.

– Золотые?

– Конечно, золотые, – засмеялась Маришка, – ещё и с брюликами. Даже страшно подумать, сколько такие могут стоить.

«„Боюсь“, „страшно подумать“, – отметила про себя старшая сестра. – Что-то у Маришки на душе беспокойно...»

– Ты им представила своего мужа?

– Ортего? Конечно. Кларе он очень понравился, сказала, что мы изумительно красивая пара, – не могла не похвастаться своей чуть ли не единственной союзницей!

«Для меня Щясте иметь такую как ты Внучку», – прочла Ольга показанное сестрой сообщение от деда в «Одноклассниках».

– Так он же просто рабочий человек, к тому же в солидном возрасте, – заступилась Маришка, но переглянувшись с сестрой, тоже расхохоталась. – Ай-ай-ай, как некрасиво мы себя ведём!

Глава 6. Цунами

Их смыло одной волной. Почти на глазах у остолбеневшего Павлика. Он прилёг на песок и прикрыл глаза кепкой, но шум воды показался чрезмерным, кто-то пронёсся мимо с возгласами, к тому же брызги. Мальчишка вскочил, стал отыскивать взглядом родителей, но никого, похожего на Лилю и Павла – их примечательные, ещё не загорелые фигуры бросились бы в глаза.

Незаметно подкравшаяся гигантская волна подхватывала и уносила всех со своего пути. В её прожорливых недрах сгнули не только ставшие мелкой мошкаркой человечки, но и машины, деревья, хижины со всего побережья. Волна была огромная, но не казалась угрожающей. Она просто и неотвратимо набухла и катилась всё дальше, прихватывая на своём пути дома, машины, людей и всё, что попадалось. Издали могло казаться, что это игрушки, смытые озорником в бассейн, плывут и кувыркаются под действием упругих струй. Без лишнего пафоса и особого самолюбования, не гнушаясь ничем, волна наступала всё дальше на улицы, легко проникая в дома. Это движение невольно завораживало и лишало способности самостоятельно двигаться. «Постой, я понесу тебя на своих плечах!» – словно ласково шептало море, и так сладко было отдаться его холодным объятьям.

Как он остался жив, кто потащил за собой (смутно помнилось, что бежали они долго и быстро) и запихал в спасительный автобус, которому чудом удалось оторваться от преследования стихии, Павел не знал. Он отбивался и что-то кричал, и вырывался бежать в волну, чтобы найти и спасти или разделить с родителями подводный вечный плен.

Осознавать себя он начал только в лагере, который разбили для пострадавших. То и дело подъезжали грузовики, прибывали оборванные обезумевшие люди, их растерянные лица и наполненные ужасом глаза вцеплялись в память. Ставились палатки, каждый спешил с вещами или вёл пострадавших, кто-то сидел тут же на земле в неестественной позе или со странными повторяющимися движениями. Люди в незнакомой форме выделялись собранностью и слаженностью действий, движений. Один из них и был сейчас перед Павлом, о чём-то спрашивал и готовил шприц. И волна догнала и захлестнула повторно, когда до мальчишки дошёл весь ужас происшедшего, он закричал и вскочил побежать, чтобы не задохнуться от нахлынувшей боли.

Человек в форме уже вонзил и вынул иглу, и Пашкино тело вдруг обмякло, и заволокло пеленой сознание. Мышцы расслабились, боль сделалась неслышимой, а горе – ненастоящим. «Это сон, это жуткий сон...» Ему обработали раны и на носилках отправили в госпиталь.

Кэтрин приехала за ним, когда страсти улеглись и подсчитали уже окончательный ущерб, нанесённый цунами. Пашка в интернете видел и кадры – кто-то на свой страх и риск вёл видеохронику жутких минут. Живописная южная природа, величественная и грозная, вызвала бы восхищение, если б не разрушающая беспощадная её сила. Яркие обломки, бесформенные пятна среди покалеченных тел, хаотичное движение. Постепенно вырастающая лазурная водная громада, величественная и неподвластная никому, увлекающая всё, что на пути. А сбежать не успеть, скорость волны немыслимая, к тому же будто гипнотизирует – сколько зевак так и не поняли, что случится в следующий миг. Люди, строения, транспорт, вещи, мобильники, документы – всё разметало на обломки чьей-то злой волей на многие мили или увлекло в подводное царство.

Тела родителей найти не удалось, очевидно, их унесло далеко в открытое море, как и многих других. От здания отеля тоже почти ничего не уцелело. Кэтрин, жалея брата, одна ходила на опознание, когда оповещали о доставке очередной партии утонувших. С застывшим лицом, прикрывая нос смоченным платочком, ходила она между бывших людей, силясь и страшась увидеть родные черты.

Предупреждение о шторме, запрет на выход к морю пришли слишком поздно, так что количество жертв исчислялось уже сотнями.

Кэтрин выложила перед братишкой какую-то одежду. Пахнуло домом. Он схватил этот тюк и зарылся в него лицом. За прошедшие дни он как-то высох и заострился, словно отточенный булатный клинок. А смоляные волосы так не в сезон чуть припорошил первый снег. Кэтрин плакала в самолёте и дома, а вот тут словно высохло всё. Папина с молодости белая отметина в волосах, строгое и прискорбное наследство, досталась сыну.

С собой у них почти не было вещей, только маленькая спортивная сумка у Кэтрин. И это так непривычно и странно – возвращаться с Юга совсем налегке, и осознавать, что в пустой квартире больше никого не будет, и от родителей – сколько прошло всего дней? – внезапно не осталось на земле ничего. Они смеющиеся и радующиеся отдыху, в блеске брызг и солнечных лучей, и это теперь навсегда. «Какое счастье, что удалось нынче вырваться на море!» – не раз повторяла мама. Зорины не хотели ехать из-за болезни Олега, но он сумел убедить сестру: отдых необходим, развеетесь...

Глава 7. Олег

Первый звоночек прозвучал давным-давно. Собственно, они стали повторяться из года в год, в самую жару, обычно в июле. Грешили на Олегово любимое молоко из холодильника, которым он утолял жажду почти ежедневно. Хрипловатый поначалу голос постепенно исчезал вовсе. Полоскать горло, принимать какие-то порошки и пилюли при нормальной температуре – какой мужик согласится на это? А вот купание с семьёй в освежающих волнах родной реки – самое то! Подумаешь, горло...

Дела на заводе, как и повсюду тогда, шли не блестяще. Заказов становилось всё меньше, смежники и потребители зачастую оказывались на территории новоявленных стран. Десятилетиями связанные, отношения разлаживались, новые создавать удавалось нечасто. Такой поворот многих застал врасплох. Зарплату выдавали со скрипом, народ потихоньку расходился – сам или попадая под сокращение. Апофеозом абсурда стала выдача заработанного «натурой». Отдел реализации полностью переключился на поиски таких же бедолаг с целью бартера. Светлана гадала, что же благоверный принесёт на этот раз: льняные простыни, набор алюминиевых кастрюль, мешок овощей, несколько палок колбасы или ящик консервов?

Рабочий день стали постепенно сокращать, Олег возвращался в непривычное время хмурый, неразговорчивый, с запавшими щеками. Работяга по натуре, с болью в сердце смотрел он на постепенное угасание родного предприятия. Выучившись после школы на фрезеровщика, другого образования не получил, а потому сделать карьеру, прыгнуть выше начальника цеха у него не получилось. Зато уж дисциплину трудовую держал на высоте, и выпелами, и премиями, и путёвками от профкома их цех переплюнул все остальные. «У Гладкова не забалуешь, сурьёзный мужик», – уважительно гудели токари и слесари, похваляясь перед чужими. Зато и на собраниях Олег как правило вступал в разговор, не давая спуску лодырям, но и активу доставалось изрядно: всем было ведомо про пресловутые бархатные гардины – для красного уголка и дома главного инженера.

Праздничные пайки начальство получало в двойном размере, ущемляя в правах тех, кто не мог за себя постоять или проштрафился самым нелепым образом.

Очередь на жильё – отдельная песня. Когда Олег застал однажды плачущей щупленькую контролёршу ОТК, что растила мальчишек-погодков, ютясь на восьми метрах коммуналки, лихо пришлось всем: и директору, и председателю профкома, и главному технологу, из-за которого и вычеркнули из списка новосёлов мать-одиночку.

Впрочем, заступаясь за других, Олег о себе всегда думал в последнюю очередь. Которая так никогда и не наступила: проработав чуть не четверть века, заслуженную «трёшку» он должен был получить в строящемся доме через несколько месяцев. Но строительство заморозили, списки неведомым образом испарились. За всё про всё Олегу выдали полсотни обыкновенных акций при приватизации завода. И куда девать сии сомнительной ценности красивые бумажки?

Перипетии с Ольгиным замужеством, трагедия с Юрой, отъезд в Москву младшей тоже здоровья не прибавили. А весёленькая встреча со вторым (думали, что будущим, а оказалось, что уже состоявшимся) зятем? Любимица Маришка проняла до печёнок. Одно к одному: сразу после её отъезда вдруг стряслась беда с Лилькой, любимой сестрёнкой, и её мужем...

Светлана просидела в приёмной директора битый час. Напрасно он рассказывает делами и через секретаршу пытается вежливо её отфутболить. Ей неоткуда взять таких денег. И он вспомнит о красивых бумажках, об акциях, и даст за них ровно столько, сколько ей надо. А буквально через месяц за них будут давать заезжие скупщики в десять раз больше, и хорошо, что об этом коротком эпизоде она никогда уже не узнает. А цветочницу и памятник из нержавеющей стали привезут и установят уже без просьб и денег. «У Гладкова не забалуешь» – это уже легенда

и история завода, который всё-таки воспрял при новом руководстве. А директор упокоился всего лишь несколькими годами позже.

Олега долго обследовали в лоротделении городской больницы. Его горло впервые было предметом столь пристального внимания. Светлана каждый день приходила к нему, выслушивала о процедурах и анализах, приносила вкусненькое. Они сидели в больничном дворе на скамейке под сенью старых деревьев.

Как-то Олег вспомнил о военных сборах, куда его призывали пару раз из запаса. Первый пришёлся на момент Серёниной болезни, четырехлетнего пацанёнка упекли с ангиной в больницу. Олега в воскресенье отпустили в увольнительную, и они всей семьёй пришли навещать сына и братишку. Увидев отца в военной форме, Серёня пришёл в восторг, а когда ему дали примерить настоящую пилотку со звездой, ни за что не желал с ней расставаться. Доводы о том, что это казённое имущество, и его потеря жестоко карается, не имели успеха. Успокаивая насупленного сынишку, отвлекая и увлекая из больничного сквера в палату, мама, папа, Оля и Маришка совсем забыли о пилотке. Олег спохватился уже дома, собираясь в часть. Перекрыли и перетрясли весь дом: пилотка исчезла! Скорее всего, она так и осталась лежать на скамейке, снятая с Серёни. «Знаешь, я почему-то иногда её вспоминаю и жалею, что не оставил сыну», – признался Олег.

У него несколько раз шла горлом кровь, и сейчас он лежал распростёртый на полу, между комнатой и ванной. Светлана прижимала к его горлу лёд и объясняла ошарашенной Ольге, что поднять и довести до постели нельзя, пока не прекратится кровотечение. И полотенце в крови, и бурые разводы на линолеуме, и такие худые ноги отца в сбившихся тапочках.

Он уже давно не говорил. Шея впереди была вдоль разрезана, из неё изгибалась вонне прозрачная трубка. С помощью шприца без иглы Олег набирал бульон или жиденькое пюре и вливал в трубку. Жевал он теперь, с удалённой гортанью, только жвачку, которую прежде не жаловал, – чтобы освежить рот. Светлана покупала мужу водолазки, скрывающие щель на шее. Ольга помнила: даже в самый сильный мороз, даже в шарфе, отец неизменно смуглел открытым кадыком, и казалось, мороз его не берёт...

Олега выписали в начале лета. Насовсем. Он даже не успел оформить инвалидность, перед операцией спросили, хочет ли потом работать, и он ответил утвердительно. Вне завода Олег себя не мыслил. Что ж, что с покалеченным горлом – есть ведь протезы! И они даже заказали такой. В расчёте на протез хирург не стал удалять всё, а только поражённое раком. Кто бы знал, когда проснутся и поползут вниз метастазы.

Светлана извела все простыни на перевязки. Стирать и даже кипятить было нельзя, раковая кровь коварна. В квартире нестерпимо пахло гниением, никакие освежители и проветривания не помогали. Как мама смогла в этом жить?

Весной, когда стаял снег и прогрелась земля, отец приходил к Ольге с Юлей, кивком приветствовал тётю Зину. Ему очень хотелось что-то делать в их огороде, быть полезным, и земля неотступно тянула. Вскопал несколько грядок, благо земля была рыхлая, лёгкая. А потом однажды принёс пакетик с семенами и затеял сажать огурцы.

Как-то в июне Ольга вышла с утра на крыльцо и застыла. Между рядков бурно разросшейся клубники и дружных всходов морковки зияла спекшейся коркой ровная проплешина со съжившимися иссохшими бывшими саженцами огурцов.словно солнце дохнуло на их рахитичные трёхлистные фигурки, превратив до срока в гербарий. Рука не поднялась вынуть из земли. Только слёзы застревали в горле, когда невзначай выхватывал их взгляд. Вскоре отец сам увидел, растерянно скользнул глазами на дочь... Неживой не может дать жизнь.

Эти спекшиеся от жары всходы Ольга видела ещё однажды, спустя годы...

Навсегда запомнился Ольге тот последний вечер, когда она видела отца. Очень худой, он лежал под одеялом и, несмотря на июльскую духоту, растирал одной другую свои холодные руки. Ольга присела рядом и тоже принялась растирать. На широкой кости запястья был

замкнут металлический наборный ремешок часов. Мама потом рассказывала, что до своей последней минуты отец часто взглядывал на часы. И ещё как обычно смотрел по телевизору новости. Словно знал своё оставшееся время и стремился до последнего быть в курсе происходящего в мире, который он готовился покинуть. Ночью у него опять открылось горловое кровотечение, бросились за льдом, но последним жестом Олег отстранил его, захрипел и затих.

Когда следующим утром Ольга пришла, её встретил пустой продавленный диван. Вечером, уложив Юлю, Ольга хотела ещё раз забежать к отцу, но внезапная тягучая дремота навалилась на неё и прижала к кровати до утра. Каждый вечер перед сном она молилась и просила продлить отцу дни. В этот раз кто-то неведомый заставил её произнести мысленно: «Я отпускаю...»

А ещё помнился его последний день рождения. Грустный, без Маришки, Лили и Павла. Мама сказала обмолвкой: «Пятьдесят два». Отец замахал рукой, отрицая. В самом деле ему исполнилось пятьдесят один. И в тот миг Ольга отчетливо осознала, что пятьдесят два уже не будет. Через две недели, в тот же самый жаркий июль, он и умер.

Помнились его забавные шутки-прибаутки из детства, с которыми нянчил и собирал гулять крошечную Маришку. А вот внучка Юля запомнила деда уже больным и безгласным. Невыносимые боли донимали его, дважды в сутки приезжала «скорая» – кололи сильное обезболивающее.

Перед операцией, когда ещё не отняли голос, только брали пробы и лечили капельницами, – на выходные отпускали домой. Однажды поехала в больницу за отцом не мама, а Ольга. Как он был рад! Не дождался, пока успокоится кровь после капельницы, в промокшей на сгибе локтя рубашке, он торопливо просовывал руки в подставленные дочерью рукава куртки. Пока шли к остановке, что-то оживлённо говорил ей про анализы, хотел казаться бодрым. И в автобусе ехал стоя, Ольга собралась было попросить подняться молодых людей, но отец остановил её. Он ни в какую не хотел становиться больным, немощным, слабым. Так, не переставая поддерживать его под руку, дочь и довела отца до дома.

В катафалке сквозил ветерок, шевеля волосы над ледяным (Ольга губами приникла при прощании) лбом Олега Гладкова, отчего он казался живым.

А спустя годы Ольга в ту же больницу вела под руку маму...

Глава 8. Авария

После армии Серёга попал по протекции в личные водители к зам-зав-хрен-поймёшь-кому. Компания была небольшая, но разъездов много. Отслужив в автомобильных войсках, Серёга сделался отъявленным лихачом. На эту тему шеф его частенько журил. Были и другие недовольства: то с девочками в бухгалтерии разводил шуры-муры, потом сорока на хвосте принесла, якобы сливает и продаёт казённый бензин, на выходной выпросил машину съездить по делу, пригнал в понедельник грязную и с запахом дамского парфюма в салоне.

«Я просто боюсь с ним ездить!» – жаловался Светлане муж её бывшей коллеги. Воспитательные беседы ни к чему не привели, а потому с тёпленького местечка Серёгу вскоре попросили. Он пришёл на отцовский завод, где проработал какие-то месяцы. Тогда уже начиналась очередная волна «смутных времён», но Сергея угораздило вляпаться в другое.

Одноклассник и дружок у него был, которого мама отмазала от армии; на 18-летие подарила машинку. Но молодость – это ещё и пьянки-гулянки. Миха делал просто – вызывал Серёгу в любое время дня и ночи. Тот прыгал за руль и развозил веселившихся по домам. Естественно, ни о каких доверенностях речи не было: что за формальности между друзьями?

В тот раз всё сложилось изумительно: Серёга привёз всех, кого планировалось, и уселся за общий стол. Что-то справляли. Опрокинул пару рюмок, и вдруг выяснилось, что ни спрайта, ни кока-колы почему-то не купили, а девочкам хочется, и есть совсем непьющие, и всё это немедленно надо поправить, а то кое-кто уже надул хорошенькие губки: «Я так не играю!»

Времечко было позднее, круглосуточный магазин находился в трёх кварталах. Но ведь только лохи мотаются туда пешкодралом! Миха кинул Серёге ключи. Васька вызвался скататься вместе.

Поворот, ослепляющие встречные огни, кювет. Васька пристёгнут не был. Серёга ободрал руку и приложился затылком. Очнулся быстро, вскочил. Земля перед глазами плыла. Васька лежал в луже крови. Машина тоже лежала, сверкая в огнях светофора покорёженным боком.

Васька пролежал в коме несколько месяцев и, так и не придя в сознание, умер. Миха по наущению мамы написал, что имел место угон – Серёга якобы взял ключи без его ведома. Плюс сколько-то там алкоголя в крови... Машину отогнали знакомому автомастеру, а тот насчитал такую красивую денежку, что Гладковы потеряли дар речи.

Милая девочка Надя, с которой Серёга перемигивался во время застолья и чьи надутые губки сподвигли его на вылазку за газировкой, вдруг проявила недюжинные сочинительские способности, обвинив его в осквернении её девичьей чести. Но узнав, что подробности осквернения ей придётся рассказывать в суде при всём честном народе, заявление забрала. К тому же, результатов медосмотра у неё не оказалось. Жутко обиделась девочка, что не привезли ей в тот раз газировки. И за Ваську тоже жутко обиделась. Адвокат, естественно, запросил гонорар. Михина мама требовала возместить убытки за разбитую машину.

Зарёванная Светлана появилась в швейной мастерской только через неделю. Каждый день она ходила в храм отмаливать сыночка и вымаливать выздоровление Ваське. Кэтрин молча обняла её и выслушала сбивчивый рассказ. Светлана отметила её запавшие щёки и нервные пальцы.

– За машину им – фиг! Пусть вычитают потом из его заработка. Адвокат – это нужно. Как быстро требуются деньги?

...Кэтрин, угнетённая тоской по Юре, совсем упустила из виду тот момент, когда Генка сделался завзятым игроманом. То, что сутками резался в танчики на компе, её уже не раздражало. Сил не было реагировать, так выматывалась на работе. Выматывала себя, силясь убежать от мёртвого Юры. И вот вдруг пришли к ней люди и сказали, что Генка проиграл в карты,

и унесли его комп, микроволновку и телик. Геночка покаянно разводил руками и тряс расстроенно чубом. Его работа внештатным корреспондентом заштатной газетёнки занимала слишком мало времени и приносила слишком скромные гонорары.

Чувствуя вину перед женой, он устроился грузчиком в ближайший маркет, но через неделю, хилjak, сдох с межпозвонковой грыжей. Уколы, массаж, корсет и запрет на подъём тяжестей поставили крест на его дальнейшей трудовой карьере. Впрочем, держать ручку он был в состоянии, отсутствие компа и возможности активного перемещения по городу дали импульс его воображению. Родная редакция была завалена его опусами на полгода вперёд. Ему выделили ставку, но печатали по-прежнему мало и платили чуть больше. Лишь только позволило здоровье, Генка заковылял по знакомому адресу.

И вот теперь Кэтрин приходилось выбирать: продать ли квартиру, которая пустовала с тех времен, как она перебралась к мужу, или расстаться с мастерской. Рассказ Светланы не оставил выбора: «однушкой» теперь явно не обойтись. Что ж, у неё больше времени будет на брата. Павлик так и не пришёл в себя, хотя прошло уже полтора года после цунами.

Генка, оставшись один, задумал совершить подвиг... Вспомнил, что когда-то учился в военном училище. Поразмыслив, что терять в своей беспутной жизни ему нечего, отправился в военкомат.

...Серёгу взяли под стражу в зале суда. Адвокат, который обещал условный срок, месяц назад переехал в другой регион, более полезный для здоровья его малолетнего сына. Нет, он бы, конечно, прибыл на суд и защищал, как положено, если бы ему оплатили дорогу на самолете в оба конца. Всего-то несколько часов лёту. Но Светлана уже не могла больше просить денег. Серёге дали два года: за угон, за аварию, нетрезвое состояние и летальный исход. Учли характеристику с места работы. И присудили выплачивать деньги за машину по первоначальному раскладу. Не видя в том проку, Гладковы ещё не приватизировали квартиру. Иначе Серёгину долю взяли бы в счёт ремонта машины. А так у него никакой собственности не было.

Отъезд в Германию

Пашка после цунами совсем не мог находиться один. Ему было так тоскливо, что Кэтрин опасалась его оставлять. Бизнес её скатывался всё ниже. Музыкалка, лишившись Юры, совсем перестала вдохновлять, Кэтрин свернула рекламную деятельность, в мероприятиях участвовали мало, в основном это были сборные концерты по праздникам, а за них гонорар не предусматривался. Коллектив тоже как-то сдулся, новых учеников было мало. Поэтому больше времени проводила дома, обеспечивала хоть какой-то уют. Гибель родителей сблизила осиротевших. Олег долго болел, его исход был, увы, предрешён, но что в один миг не станет Павла и Лили... Это потрясло всех именно внезапно. Почву вдруг выбили из-под ног.

Пашка кое-как допинал оставшиеся классы – скорее, на автомате. Просто привык, что надо учить уроки, что-то отвечать, выполнять какие-то действия. Но внутреннее опустошение не покидало его. Ни в какой институт он идти не хотел. Чем заниматься дальше и как жить, представлял очень смутно, а точнее – даже об этом не думал. И когда однажды Кэтрин предложила ему поехать на ПМЖ в Германию, он без долгих раздумий согласился. Во всяком случае, там было где скрыться от воспоминаний.

Сестра оформляла какие-то документы. Он ставил подписи, даже не вникая, целиком полагаясь на неё. Так оказалось, что они продали родительскую квартиру...

Правда, уже дано не было на стене в кухне никаких райских птиц. Вернувшись после цунами, Пашка заметил вдруг, что вместо красивейших птах остались на стене лишь размытые тёмные тени. Когда это произошло? И почему не обращали внимания раньше? Райские птицы... Мечта, квинтэссенция родительского счастья. Он помнил эти слова с тех времён, когда был совсем маленьким и ничего в них не понимал.

Да. Счастье поглотило море. На Юг родители выбирались за всю жизнь несколько раз. Самый первый – когда и познакомились, будучи практически его ровесниками. Потом ездили в Египет, когда мама поправилась после своей ужасной болезни. Об этом они тоже всегда вспоминали с улыбками, как об одном из самых тёплых и радостных событий в жизни. Третий раз оказался роковым. Наверное, они даже не успели понять, и вероятно, это даже хорошо – умереть с улыбками, в эйфории счастья. Держась за руки, смеясь, когда рядом лазурная вода моря, светит яркое солнце, тепло, и вокруг так много счастливых людей, которые не знают, что буквально через минуту всё изменится. Счастье резко слизнётся горем.

Он редко об этом вспоминал. Но груз, казалось, давил на плечи. Опустошение. Тоска, непонятно, зачем и куда двигаться. Основательно вышибло из своей колеи, а потому бездумно отправился с сестрой в те места, где ничего не напоминало об их семейной трагедии. Где были чужие люди, какой-то полужнакомый дом, где всё надо было начинать с нуля.

Музыкалку Кэтрин взял под крыло детский развивающий центр.

Глава 9. Леонид. На берегах Невы

Лёня не пошёл проторённой дорожкой, Москва ему не глянулась. И местный вуз, как следовало ожидать, получил продвинутый класс далеко не в полном составе. Вот Петербург – другое дело. Леонид занимался филологией давно и серьёзно. Среди однокурсников он был «своим парнем», но и преподавателей не обходил стороной. Всегда у него было о чём спросить убелённого сединами профессора или очаровательную преподавательницу. Хорошо подвешенный язык и отменные манеры давали ему фору в любом случае.

В отличие от многих, он получал знания, а не гнался за оценками. Всё было просто интересно, а потому запоминалось на автомате, и все студенческие «прелести» в виде шпаргалок, зубрёжки, бессонных ночей перед экзаменами обошли его стороной.

Он являлся на экзамен с утра пораньше, и наступал его звёздный час. Преподаватели млели и не желали отпускать собеседника, обсуждали с ним сложные вопросы, к радости тех, кто пыхтел за партами, косясь в шпаргалки. За дверью Лёньку тоже ждали с нетерпением. Хоть говорят, что перед смертью не надышишься, но многим удавалось благодаря этим минутам выслушать вкратце чуть не весь курс. Краткосрочная память у молодёжи работала отлично, а значит, хорошие оценки случалось получать и отпетым персонажам.

Была и тайная работа: курсовики и дипломы ему заказывали, начиная со второго курса. Он запирался с ноутом в читальном зале. Готовый «курсац» пересылался по электронке, расчёт происходил через виртуальные кошельки. Был случай, когда заказчик-пятикурсник «забыл» расплатиться. Лёнька явился на защиту диплома и в пух и прах разбил выпускника въедливыми вопросами, так что «кидала» еле-еле наговорил на трояк.

В отличие от работяг, которые сделали написание чужих курсовых делом всей жизни, Зорин подходил к процессу душевно. Он не повторял избитые фразы, не копировал списки литературы, ему самому до дрожи интересно было раскрыть каждую тему.

Когда до профессуры дошли слухи о его приработке, декан факультета вызвал Зорина на ковёр. Разговор прошёл в откровенно дружеской атмосфере. Да, пишу. Не я, так другой. Хорошо всем: оболтусу, который защитился, универу – успеваемость выше, персонально ему – растёт уровень профессионализма, и не надо, образно говоря, ночами разгружать вагоны, чтобы служить науке. Леонид собирается в аспирантуру, а значит, все эти знания полезны не только ему, но и универу, в котором будет такой преподаватель. Что уж лукавить, персональная стипендия не так высока, чтобы и на прокорм, и на одёжки, и на удовлетворение культурных потребностей хватало.

В общем, разошлись миром.

К двадцати четырём годам защитил Зорин кандидатскую. Студентов он знал как облупленных, видел насквозь. Кто балду гонял, потел потом на экзаменах. Книжки у него читали все, и свои научные работы Зорин настоятельно рекомендовал тем, кто учиться хотел.

Отпустил Леонид Павлович бородку для солидности, носил исключительно костюм-тройку. Походка его стала более солидной, без былой размашистости. И сам не понял, когда начали коллеги считать его завидным женихом для своих дочек. То один вдруг на семейное торжество пригласит, представит со значением жене и дочке Софочке. То другой попросит выступить в качестве репетитора для Надюши. То дамочка за сорок угостит на кафедре чаем с тортиком – это-де Жанночка моя испекла вчера. И где-то Леонида, видимо, торкнуло. Конечно, почётно быть зятем заведующего кафедрой или симпатичной профессорши. Но как-то не лежит душа к их жеманным и слащавым Милочкам и Лолочкам. А холостяцкий быт, съёмная комната в коммуналке, тут они правы, нуждается в хозяйке.

Выбор пал на яркую брюнетку с острым язычком, которая держалась независимо и знала себе цену. Подхалимаж и заискивание выводили его из себя, а тут и тени не было, хотя второ-

курсница. Звали её по-пролетарски Майя, хотя на слуху уже давно только одна мультипликационная пчела. Так её и кликали студенты между собой – Пчела. Или Пчёлка с жалком. Потому что жалила порой беспощадно и с наслаждением.

Леонид Палыч присматривался к ней весь семестр. С интересом ждал её «выхода» на экзамене. Ха-ха-ха, билет она не знала. Ни слова из того, что есть по теме в учебнике или рекомендованной литературе. Между тем, молчать и мямлить было не в её привычке. А потому пустилась в пространные околотемные рассуждения, мастерски вплетая то, что ей было хорошо известно из других тем. Зорин аж заслушался талантливой импровизацией. Но это у неё было время подготовиться. А что же экспромт? С живым интересом он задал несколько каверзных вопросов. Майя стушевалась – но это продлилось секунды. Во взгляде её почти не таился вызов. Нашлась и блестяще выкрутилась! Стоило ли удивляться пятёркам в её зачётке...

– Пчёлка сегодня на высоте, – вполголоса проронил Леонид Палыч.

– А зори здесь тихие, – отозвалась она с усмешкой. – А ещё вас называют «наш Лев».

– В самом деле? – захотелось поправить «профессорское» пенсне и белейшим платком стереть пот с «толстовского» лба.

...Но женился он почему-то на Ларе – то ли имя «пастернаковское» сыграло роль, то ли мощь и надёжность её недюжинных мускулов. А может, захотелось попасть в другой мир. Белокурая, с прозрачными голубыми глазами, хорошенькая Лара была спортсменкой, занималась вольной борьбой.

Лёня никогда хиликом не был, поддерживал спортивную форму: бассейн и воскресные пробежки, абонемент в тренажёрный зал. При выходе оттуда он и встретил однажды Лару. Невольно засмотрелся на её мускулы. А она вдруг сразу и прямо пригласила его поболеть на соревнованиях, которые пройдут в следующий вторник.

Поединок двух девушек-«вольниц» – это зрелище! Прежде в болельщиках Леонид не значился, фанатизм на футболе и страсти во время хоккейных матчей обходили его стороной. Но энергетика в зале, где проходили поединки по вольной борьбе, зашкаливала. Азарт, страсти, ожесточение и красота схватки, крепкие тела с налившимися мускулами – и ты уже не понимаешь, где находишься, и кричишь со всеми какие-то подстрекающие слова. Но тебе на самом деле так хочется, чтобы поединок продолжался, потому что важна для тебя не чья-то победа, а чтобы смотреть и смотреть на волнующее зрелище. Вот где адреналин! Вот где вскипает даже самая жидкая кровь!

А потом была ночь, которую стены коммуналки запомнили пуще прочих. Как они любили друг друга! Что это был за поединок!

– Знаешь, не носи мне больше цветы. Я признаю только те, что растут, – сказала она утром.

Большой букет красных роз он вручил ей после победы, и увидел, как выражение её лица, хранящее эмоции боя, вдруг смешалось и стало расплывчатым.

– Ну... Ладно... Эти можно оставить?

Вместо вазы была литровая банка.

С ней не соскучишься!

А потом через год Лара заявила, что едет в Финляндию.

– Подожди, как – в Финляндию? А соревнования?

В последнее время шли интенсивные тренировки перед чемпионатом.

Лара лучезарно улыбнулась.

– Чемпионата не будет.

– С чего это вдруг?

– Для меня не будет.

Улыбку сменила гримаса. На Лёнины расспросы Лара угрюмо молчала. Потом взорвалась:

– Зорин, ты вообще где? Неужели не слышал про допинговые скандалы?

Лёня признался, что за спортивной жизнью не следит, но в новостях, правда, что-то проскакивало.

– Ну так вот! А мой премудрейший тренер настойчиво пинает меня в эту сторону: опять будешь третьей, надо рискнуть, новый препарат, его ещё нет в списках... Короче, моя спортивная карьера завершена!

Лара зажмурилась, замахала руками, закружилась.

– Я в свободном полёте!

Лёня подхватил её и повёл, так что резкое кружение постепенно перешло в плавный вальс.

– А почему именно в Финляндию, не в Лондон или Париж?

– Вот скука-то! – засмеялась Лара.

– Там же холодно?

– Ну, в Питере тоже особо не жарит. В Финляндии много природы и мало людей. Они все такие одинаковые, рыжие и одеваются серо и мешковато. Буду среди них единственная красавица, – посмеялась и добавила серьёзно: – Я там на прошлом Чемпионате Европы была. Город со сложным названием: Сейняйоки. Очень понравилось. Красиво. Озёра. Хочу освоить горные лыжи.

– То есть ты уже всё решила и обдумала.

– Пока не всё. Ты мне составишь компанию?

– Хм, компанию? Или всё-таки загс, белое платье, колечко?

Лара ни в какую не желала регистрировать их отношения. И сейчас он узнал, почему.

– Если тебя не смущает, что я уже была замужем...

– Что такое?! – Лёня с изумлением воззрился на свою девушку. – Ты пришла первого мужа и поэтому скрывала от меня эту жуткую тайну?

Лара засмеялась и замотала головой.

– Не всё так мрачно. Я выскочила замуж сразу после школы на спор. С одной девчонкой поспорила, что он выберет меня, а не её. Азартная была. А жизнь с ним не сложилась, он хотел, чтоб я дома сидела и борщи ему варила, а не по соревнованиям моталась. Так что прожили мы совсем немного, а потом я в Питер сбежала. А развестись всё не получалось. И вот, наконец, он собрался жениться и сам подал на развод. В прошлом месяце нас развели.

– Сколько ещё мрачных тайн... или лучше – секретов! – таит своё прошлое, о лукавая дева?! Хорошо. Вношу элемент упорядоченности в этот сумбур. Мы подаём заявление, не дожидаясь «красивых и знаменательных» чисел, быстренько и скромненько расписываемся, раз пышность и торжественность у тебя уже были. И после сразу отбываем в Финляндию, город Сейняйоки, провинция, если мне не изменяет память, Южная Остроботния, около 60 тысяч населения, имеется университет прикладных наук, где мне и предстоит, судя по всему, преподавать.

давать в ближайшем будущем. Я очень рад, что обучение на английском, и мне не придётся форсированными темпами постигать финский, – серьёзно он говорил всё это или, говоря по-современному, прикалывался, было не понять.

– Откуда ты всё знаешь? – восхитилась Лара.

– Да будет вам известно, девушка, что в школе я не просиживал штаны, а учился очень даже неплохо, а уж по географии-то стабильно на пять, что при моей феноменальной памяти вовсе не чудо.

– О, да ты был вундеркиндом, оказывается? И медаль поди есть?

– Обижаете, девушка! Не «поди», а «конечно»!

– Хм, тогда мы квиты! Вы, Леонид Палыч, тоже отлично умеете хранить тайны!

– Вот всё и сошлось в одной точке. Надо это отметить. Какой ресторан вы предпочитаете?

Сложно...

С родным городом у Леонида были свои счёты. Полученная в подростковом возрасте психологическая травма оставила рубец. Хотя умом понимал, что ничьей вроде бы нет вины в том, что рос не в родной семье, и ведь у близких по крови людей, и взаимоотношения всегда были хорошие... Но подзуживало где-то в глубине души малодушное – почему отдали меня, а не другого? И не смог после того, как узнал правду, с прежними чувствами относиться к родственникам. И уж совсем странные эмоции вызывала у него теперь Оля. Подстрекательница и искательница справедливости.

Поэтому не спешил в каникулы из Петербурга домой, отыскивал себе какие-нибудь срочные дела или подработку. По этой же причине с большой неохотой принимал из дома деньги. А после первого курса объявил, что персональной стипендии ему вполне хватает, и приработок тоже имеется. Павел оценил жажду независимости сына и не настаивал. Чувствовал холодок в их отношениях, но в душу не лез. Помнил свои непокорные юношеские годы. Наверное, так закономерно и происходит взросление.

С Лилей Лёня разговаривал обычно в своей полушутливой высокопарной манере, скрывая за улыбкой настоящие чувства. И ей было как-то неловко от этого проявлять заботу и навязываться с нежностями. К тому же, дома он бывал мало: то катался с Пал Пальчем на роликах и скейте, то отправлялся с бывшими одноклассниками в поход или к кому-то на дачу, в кино, на тусовку. Часто навещали незабвенную Мариванну, которая в свои неполные сорок уже выпустила бессчётное количество детсадовских групп со знанием английского и немецкого, а также педагогов для них, защитила кандидатскую и написала кучу разных методичек.

После третьего курса в последний день сессии от Кэтрин Леонид узнал о страшном несчастье. Смалодушничал и сказал, что нет возможности лететь с ней за Павликом. А сам до одурения бродил по улицам, натываясь на прохожих, пока впотьмах уже не вышел на какой-то пустырь, где жутко провыл вместе с ветром до утра.

Потом долго корил себя за то, что не ходил вместе с сестрой на опознания, не нашёл в себе сил поехать туда, где разыгралась трагедия. Видеокадры цунами вызывали дрожь в жилах, он пересматривал их до бесконечности, пытаясь хоть в каком-то случайном ролике увидеть последние секунды жизни родных.

За столом, когда приехал домой и собрались все у Гладковых, висела гнетущая тишина. Олег, сильно постаревший, в водолажке, из-за ворота которой выставлялась полая трубка, молча подал Лёне крепкую ещё руку и кивнул. Говорить он из-за удалённой гортани уже не мог. Светлана с набрякшими от слёз опухшими веками прижалась к Лёнину плечу мокрым лицом и судорожно обняла: «Беда-то какая...». Молча обнялся с заплаканной Ольгой. С Серёгой обменялись рукопожатием, отводя сумрачные взгляды.

Кэтрин и Павлик, пришедшие вместе с Лёней, выглядели иначе... Отпечаток событий лёг на души и лица. Непосредственное прикосновение к трагедии никогда не проходит мимо. Последняя волна, унесшая родителей, только-только сморгнул – и вместо дорогих фигур навек пустота. И это бесконечное бегство от медленно, красиво, неотвратно и властно приближающейся огромной волны, где беспорядочно и бесполезно барахтаются игрушечными фигурками люди, машины, какие-то вещи. Волна просто взяла своей бескрайней лапой всё, что хотела, поиграла беспечно и жестоко, потом бросила, наскучив, и отправилась в море. Оставила Павлику белую отметину, чтобы помнил.

Сотни мёртвых лиц ещё долго не давали спать Кэтрин. Полуголые, изувеченные, распухшие от воды тела узнавали по обрывкам одежды, родинкам, татуировкам, серьгам, крестам,

цвету волос. Но напрасно высматривала девушка среди седоволосых крепких мужчин отца, родинка на щеке его жены тоже не находилась...

Отпевать без могилы, не положив в гроб? Никто не видел их мёртвыми. Кэтрин... заказала задравный молебен.

– Их считают без вести пропавшими.

Маришка незадолго до трагедии улетела в Африку, прервав все связи. И ничего не знала. О смерти отца, последовавшей в следующем месяце, она тоже узнала много позже...

Лёня провёл с родными несколько дней и, не встречаясь в этот раз ни с кем из друзей, вернулся в Петербург. Из дома он забрал только какие-то книги и диски.

– Пашка, держись, брат. Пиши мне по электронке, слышишь меня? Пиши!

Не было сил смотреть на папкину прядь, перекинувшуюся на смоляные волосы братишки.

Глава 10. Как росла Юля

Юлечка росла интересным ребёнком. Как и у всех мам, у Ольги составила́сь целая «коллекция» памятных моментов из детства дочки: грустные, забавные, тревожные, удивительные... Перебирала их потом в памяти, отыскивая истоки будущих поступков, закономерности развития...

*Когда в поликлинике проверяли у малышки шаговый рефлекс, она ступала на носочках и выворачивала внутрь одну ступню. И когда побежала своими ножками, тоже предпочитала передвигаться на пальчиках. «Как балеринка!» – восхищалась тётя Зина. А что показатель этот не умилительный, а тревожный, Ольга узнала гораздо позже, когда дочка уже выросла.

*Однажды (Юля была ещё младенцем в колыбельке) Ольге приснился страшный сон. Юре пришлось её долго успокаивать и разуверять. Приснились родители – Олег и Светлана, стояли они как будто на погосте, хмурые и строгие. Говорили о Юлечке: «Ну, раз она такая, значит, придётся её закопать». Ольга рыдала и никак не могла остановиться. Такого отчаяния ей испытывать ещё не приходилось.

*Юлю крестили в год и два месяца. Она не орала, как другие дети, а осматривалась, переводя долгий взгляд с иконы на икону, на облачение священника, на горящие в подсвечниках язычки пламени.

*На прогулке бабушка Светлана как-то обронила:

– Маришка в год с небольшим много стихов знала, а Юля – ни бе, ни ме.

Сидящая в коляске светлоголовая Юлечка взглянула на бабушку, высунула язычок и отчётливо произнесла:

– Бе! Ме! – чем вызвала у взрослых приступ неудержимого хохота.

– Мам, и ведь поняла, что о ней говорим! – с невольной укоризной и чуть горделиво заострила внимание Ольга. Вот что за манера у мамы выискивать всякие тревожные моменты, когда и так душа не на месте. Ольга часто сверялась с умными книжками о развитии детей: всё ли у дочки правильно, не отстаёт ли в чём? Получалось, что повода для волнения как будто нет.

*Опасаясь за зубки и не желая раньше времени вредить организму всякими карамельками, Ольга давала дочке сухофрукты, а конфеты при ней все стали есть украдкой. Когда малышка подходила к столу, тётя Зина могла дать ей красивый фантик с завёрнутой в него ягодкой. А однажды случился курьёз, под рукой не оказалось ни смородины, ни клубники, и девочке протянули одну бумажку.

– Юлечка, смотри, какой красивый фантик!

– Красивый фантик, – согласно повторила девочка и неожиданно добавила: – А конфетку бабушка съела!

После этого Ольге пришлось дать добро на сливочные ириски.

*Показывая на розетку в стене, тётя Зина говорила маленькой Юле:

– Ай! Нельзя трогать! Там дядя ток – стук, и бобо!

Малышка переспрашивала:

– Там – дядя ток? Стук? Ай! – боязливо тянула пальчик к розетке, но тут же отдёргивала и прижимала к себе.

*Юле полтора года, жарко. Едет в коляске. Вокруг мама, папа, дядя Серёжа и Павлик. Пошли гулять в парк. Покупают пломбир в вафельных стаканчиках – четыре.

– Юле не надо? – с сомнением переспрашивает Павлик.

Малышка активно тянет ручки и явно не отказалась бы от неизвестного лакомства. В разговорах об этом проходит несколько минут. У Ольги остаётся полпорции, она даёт дочери

полизать. Пломбир подтаивает, проблем с горлом и соплями у ребёнка не бывает. Юля входит во вкус, берёт у мамы стаканчик.

– Сейчас полижет и отдаст, – уверяет Ольга.

– Надо было и ей купить! – говорит Юра. Они все уже с мороженым покончили, ларёк остался далеко позади.

– Ха, отдаст! – говорит с сомнением Серёга.

К удивлению взрослых, Юля съедает всё. И даже не накапано нигде, испачканы только губы.

– Вот так она у тебя всё однажды и отберёт, – вроде бы шутливо пророчествует Сергей. Все смеются, но в его интонациях слышится и укоризна: не балуйте ребёнка, а то сядет на шею!

Подумаешь, мороженое! Разве Ольга не поделится со своей кровиночкой, пускай и обделив себя? Как любая мать...

*Любимая Юлина сказка в два года – «Петушок и бобовое зёрнышко». Почти каждый вечер перед сном малышка просила почитать, как неразумный петушок зачем-то проглотил бобок, а ведь боб довольно крупный, не как зёрнышко, вот и подавился! И бедная курочка вынуждена была сбить себе все ноженьки, обегая корову, косарей, кузнецов, дровосеков, калашников и ещё кого-то, чтобы в результате получить маслице и смазать горлышко петушку. Что же привлекало девочку во всей этой беготне? От бесчисленных повторений у Ольги заплетался язык.

*На приёме у логопеда Юля читала наизусть Чуковского:

– Муха, муха, Тятякуха!

*В три Юлькиных года – она лишь недавно стала посещать детский сад – стряслась беда. Ноябрьский коварный ледок поехал под бегущими детскими ножками. Сильный удар в затылок, громкий истошный плач, а ночью несколько приступов рвоты. Утром тёмный ободок вокруг глаз. Дочь медсестры, Ольга знала, что это верные признаки сотрясения мозга. Невропатолог посадил дома на несколько дней, дал направление на снимок. В приёмном покое они просидели больше трёх часов. Тут было не до них: то и дело «скорые» привозили искалеченных, окровавленных людей, Ольга еле успевала отворачивать дочку от страшных этих кадров. Приближалось время обеда. Голодная, мало спавшая, Юлечка часто закрывала глаза и покачивалась. И Ольга тихонько увела её домой. Рвота не повторялась, синева с губ и от глаз постепенно ушла, и вскоре Юля вернулась в детсад. Может ли быть, чтобы травма та прошла даром? Томограмму ей лет через пятнадцать всё-таки сделали – наступили другие времена, и за плату стали доступны практически все процедуры. Ничего аномального не нашли. И – слава Богу?

* – А раньше у всех людей были лапы!

– Юля, почему ты так думаешь?

– Ну как же! Помнишь, ты мне читала сказки, там у всех были лапти. А лапти надевают на лапы!

Это «открытие» четырёхлетней Юлечки передавалось потом родными из уст в уста. А про себя Ольга добавила сюда ещё «лапаты» – трогать не руками, а лапами. Грубыми, животными... Хотя вот у кошки очень приятные лапочки, мягкие и вкрадчивые. А «лапусик», «лапуся», «лапочка» – эти ласковые названия, применимые к детям, – потому что их ножки и ручки пока ещё неуклюжие? И всё-таки интересно, как Юле пришлось в голову свести лапти и лапы... Похоже, так всё и было. Лапы ели... Хм! Лапами ели без ложки...

*Едва научившись писать печатными буквами, Юля завела себе самодельный блокнотик: разрешила тетрадь пополам. Туда она стала списывать рецепты из кулинарной брошюрки. Буквы часто смотрели не в те стороны, но девчонку это не смущало. Вскоре уже на больших страничках стали появляться оттиски монет, рожицы, домики, фигурки. Ольге запомнилась картинка: тонконогая принцесса в пышной юбке и короне, солнышко, цветы и травка, огромный торт и облако, из которого летят пачки денег. Внизу была надпись: «ЩЯСТЕ».

Где-то Ольге уже приходилось видеть это слово...

Глава 11. Тётя Зина

А тётя Зина под конец совсем расклеилась, от горя раньше времени потеряла память и ориентацию в пространстве. Могла прийти в кухню, отвернуть рожок газовой плиты и, забыв о спичках и чайнике, который хотела поставить, уйти в дальнюю комнату смотреть телевизор. А то вдруг принималась с усердием отмывать и скоблить новую тефлоновую сковороду, сетуя на «пригоревшую» ко дну черноту. Скрепя сердце Ольге пришлось навесить на кухонную дверь замочек. Старушка сердилась, размахивая худенькими кулачками, угрожала милицией и негодовала на Анну, которая якобы явилась незваной и выживала её теперь из родного дома, что перешёл от умерших родителей.

Про Юру, на удивление, тётя Зина не вспоминала совсем. Врач сказал, так бывает: мозг временно вытесняет и блокирует травмирующую информацию. Зато картинки из детства и юности возникали, должно быть, часто. Остолбеневшая Ольга, придя после работы, могла услышать гневную отповедь за то, что якобы забрызгала чернилами тетрадь старшей сестры или стащила у неё новую, два раза надёванную, кофточку.

В огороде, где тётя Зина продолжала с удовольствием копаться весь сезон, теперь тоже случались казусы. Бабулька забывала, где и что посеяла, поэтому принималась за дело вновь. В результате на морковной грядке, например, могла объявиться свекла или редиска. Скардность, появившаяся с годами из экономии и расчётливости, заставляла использовать для посадок каждую пядь земли. Тропочки становились всё уже, растения мешали друг другу, малину собирать было совсем невозможно, к ней вплотную подступали заросли лука и укропа. Только картошка буйно зеленела сочной ботвой, усыпанной колорадским жуком.

Страхивать в ведро получалось плохо, руки дрожали, жуки сыпались на землю и снова бойко карабкались вверх. Юля с крыльца с сарказмом наблюдала. Снисходила лишь до сбора клубники и смородины себе в рот. А вот не надо было в детстве говорить, чтобы не ходила – «помнёшь грядки», «испачкаешься», «обольёшься», «сиди, я сама принесу ягодок». И тётя Зина, и Светлана грешили чрезмерной заботой – и неужели этим невольно соперничали между собой?

Ольга пыталась приучить Юльку дёргать сорняки, собирать ягоды в стаканчик, из детской лейки поливать огурчики, и девочке нравилось это. Тётя Зина непременно «помогала»: «А ты поставь стаканчик сюда, удобнее будет»; «Смотри, водички много не наливай, а то обольёшься, заболеешь»; «Ты знаешь, какие травки надо выдёргивать? Смотри, вот это ботва морковки, её не надо трогать». Внучка всё менее охотно выходила на грядки.

В сентябре, когда Юля пошла в первый класс, тётя Зина исчезла. Оля подумала, что она отправилась в лес, так оно и оказалось. Только было очень холодно, грибы не росли. Ольга звонила в милицию, но заявление не приняли – рано.

Дрожащая и промокшая, бабулька вернулась через сутки. Забралась под одеяло и, свернувшись клубочком, долго дрожала, не могла согреться. С большим трудом удалось её накормить и согреть чаем. На Ольгины взволнованные вопросы отвечала отрывочно и бессвязно. Нет, она не лишилась разума и памяти, но хотела побыстрее очутиться рядом с Юрочкой, без которого устала жить. А потому бродила по лесу в ожидании смерти, ночевала на ветке дерева, молила Бога, чтоб прибрал, а он велел выбираться из леса и отправляться пока что домой.

В минуты просветления, случавшиеся всё реже, тётя Зина жаловалась Ольге на Юлечку: дерзит, грубит без причины, может толкнуть, руки мыть не желает. Куда только девался милый ангелочек! «Баба Света у меня бабушка, а Зина – дура, дура!» – кричала семилетняя Юлька однажды, пристыженная матерью.

Оля о том никогда не узнала...

В тот день Юля приболела, и Ольга оставила её дома. Тётя Зина хлопотливо спрашивала, не пора ли принимать лекарство, пополоскать рот, трогала её лоб и просила одеться потеплее, наливала травяной отвар из термоса. Юля огрызалась, нехотя делала несколько глотков и снова возвращалась к пазлам. Тётя Зина ушаркала в свою комнату, но тут раздался звонок в дверь.

– Ой, кто это, нам никого не велели пускать! – переполошилось старушка. У двери она долго смотрела в глазок, потом из окна глянула на крыльцо. Звонившая женщина показалась смутно знакомой, но какая-то тревога шелохнулась в душе. Светлана – а это была именно она – покивала и показала рукой: открывайте!

– Ой, нам никого не велели пускать, – растерянно сказала тётя Зина в дверь. Дворняжка Альма стояла тут же и нетерпеливо помахивала хвостом.

– Да это же я, Олина мама! Тётя Зина, открывайте! Юля заболела, я пришла её проведать.

Юлька выскочила в коридор, заинтересованная долгими переговорами. Услышав голос бабушки, она щёлкнула замком под испуганный возглас тёти Зины и к радости Альмы.

– Иди, иди в комнату, тут дует, – обнимая внучку, Светлана подтолкнула её к двери и стала разуваться, мимоходом поглаживая вертящуюся тут же собаку.

Тётя Зина пристально смотрела на неё.

– А кто ты? – спросила строго.

– Я Светлана, Олина мама, Юлина бабушка.

– А Оля – это кто?

Еле сдерживаемое раздражение Светланы вдруг неожиданно прорвалось.

– Да когда уже Бог приберёт тебя! Как же ты всех измучила своей глупостью! Господи, да сколько она будет коптить небо?!

Тётя Зина отшатнулась от гневных фраз, побрела в свою комнату и там тихонько легла. Светлана продолжала ещё что-то говорить в том же духе, доставая из сумки кости для Альмы, кастрюлю с горячей кашей, йогурт, фрукты для внучки. Выложила всё в комнате на стол, где стояла ваза с яблоками, бананами, апельсинами, тарелка с бутербродами и термос с чашками, толкнулась в кухню за тарелкой и ложкой – увидела замочек. Это вызвало новый приступ злости, ведь тётя Зина была причиной помехи. Кормить Юльку пришлось прямо из кастрюли, ложкой из чашки с чаем.

Светлана посидела некоторое время, разговаривая с внучкой, увлечённой после каши опять пазлами, потом пошла одеваться. Велела закрыть Юле дверь на замок и ждать маму без шалостей. Тётя Зина так и не показалась. Видимо, обиделась. Ну и ладно, сколько же ей можно представляться и без конца рассказывать, кто есть кто! Как Оля, бедненькая, все это выносит?! А собака схрупала кости и даже проводить на этот раз не вышла.

Вечером Ольга нашла тётю Зину лежащей на кровати. Врач со «скорой»: «Парализовало её». Сделали уколы, забирать не стали. Сказали, что может умереть в любой момент, но и пролежать в таком состоянии, скажем, год тоже может.

Заплаканная Ольга, когда пришла в себя, позвонила матери: «У нас несчастье!» – узнать, что ей теперь делать и как ухаживают за такими больными. Светлана, услышав такую весть, молчала... Её обуревали противоречивые чувства. Но Ольге она ничего не сказала. Не добившись от неё толка, Ольга положила трубку и залезла в интернет.

Безмолвная, тётя Зина лежала теперь всегда. Правая парализованная сторона тела потемнела, не слушалась, левой она тоже шевелить не решалась. Большую часть времени пребывала в полусне-полузабытье, иногда постанывала. Когда Ольга приходила её кормить, чуть приоткрывала на голос здоровый глаз, шевелился краешек губ, говорить не получалось. Неловко принимала ложку с кашей или бульоном, с трудом глотала. Безропотно переносила передева-

ние. Сухонькое тельце Ольга аккуратно переворачивала, подтаскивая чистую пелёнку. Меняла памперсы, подмывала, присыпала тальком. Делала массаж, чтобы кровь не застывала. Тётя Зина смотрела на неё со скорбным выражением. Было видно: её что-то сильно беспокоит.

По рекомендации врачей Оля часто с ней разговаривала, делилась новостями. Но напряжение и тревога во взгляде не исчезали. Казалось, какое-то знание точит её мозг, и какие-то мысли, далёкие от того, что говорит Ольга. Беспокойство зашкаливало, когда к постели приближалась Юля. По просьбе мамы она читала стишки и рассказывала, что произошло в школе. Сомнение и недоверие читались во взгляде больной. Порой слезинка бежала по смятой коже.

Однажды Ольга пришла с работы раньше обычного и услышала из комнаты Юлькин голосок, замерла в прихожей.

– А ты меня не достанешь, не достанешь! Фу, злая старуха! Дура-дура-дура! Вот тебе!

Ольга быстрым шагом прошла в комнату тёти Зины. Маленькая негодница кривлялась, приплясывая, со шнурком в руке. Волосы тёти Зины были растрёпаны, тонкие седые пряди сбиты на глаза, здоровая половина лица искажена. Откиннутое до ног одеяло, верхняя часть туловища исплёвана, тёмные руки с набрякшими жилами в тонких полосках.

– Ой! – взвизгнула Юля, заметив мать, и бросилась прочь.

Ольга задохнулась от негодования. Быстро вытерла у больной лицо и руки, всё поправила, бормоча какие-то успокаивающие слова. Удостоверившись, что всё нормально, вышла вслед за дочерью и плотно прикрыла дверь.

Такой злой Юля не видела мать никогда. Она испугалась и ревела, забившись в угол, и быстро-быстро кивала на все слова, размазывая по лицу сопли и слёзы, и повторяла: «Больше не буду, не буду, не буду...»

Беспокойство из глаз тёти Зины не исчезало. Спустя неполный год произошло ЭТО. Ровно через 7 лет после крестин Юли.

Глава 12. Светлана и Серёга. Рынок

Светлана, работавшая медсестрой в детской поликлинике, вынуждена была уйти оттуда, когда стали задерживать и без того небольшую зарплату. Очень кстати Кэтрин тогда организовала ателье, где и они с Олей, и учительница труда на пенсии, и две знакомые-однокурсницы дочери нашли для себя занятие по душе, которое приносило стабильный заработок. Конечно, первое время пришлось нелегко, и больше одолевали боязливые мысли: а вдруг всё провалится? Вдруг не придут к ним люди? И как не страшно Кэтрин затевать это новое дело, вкладывать средства, которые, может случиться, и не окупятся. Кэтрин такие разговоры не поддерживала, вовлекая сотрудниц в обсуждение новых моделей, словно у них уже гора заказов и можно предаться безудержным фантазиям. Конечно, была какая-то реклама: и в газетах, и мальчишки по ящикам раскидывали «купоны со скидками». И хорошо, что Кэтрин не поддерживала волнений в коллективе, а просто шёл размеренный трудовой процесс.

Было неудобно, когда первую зарплату владелица выдавала им из своего кошелька, а она ещё и двух новеньких привела. Одна села за вышивальную машину, вторая за вязальную. А клиенты потихоньку пошли...

Но после нескольких успешных лет ателье пришлось продать. Светлана кусала локти, когда выяснилось, что жертва эта оказалась напрасной: адвокат не оправдал гонорар, Серёня всё равно сел, а они лишились работы. Светлана ушла сразу же после продажи, стыдно было смотреть в глаза девочкам-коллегам. Она подалась на рынок, где не раз встречала знакомых, в том числе и из их поликлиники. Стала возить из Москвы носки и перчатки, обзавелась местом на рынке и складным столиком.

Ателье после продажи

После того, как Кэтрин вынужденно продала ателье, оно постепенно приходило в упадок. Новые хозяева – крепкие пустоголовые парни – задрали цены, свернули всю «отсебятину», в преЙскурант включили стандартные виды работ. Ни о каком свободном графике и поощрениях речи теперь не шло. Постоянные клиенты, привыкшие к индивидуальному подходу, скоро забыли сюда дорогу. Раньше выслушивались все их самые причудливые просьбы. Была гибкая система скидок и бонусов. Поступали самые модные журналы, делались распечатки из интернета свежих моделей.

Теперь «пустая болтовня» с посетителями не поощрялась. Были жёстко введены шаблонные фразы, отход от которых карался рублём. На обед выделялось пятнадцать минут в порядке очереди. Отпроситься к врачу или уйти по другой уважительной причине стало немислимо. Работницы со вздохами поминали прежнее «разгульное» время: работа горела в руках, новые идеи возникали буквально из воздуха и тут же воплощались, а общение с заказчиками было взаимоприятным и непосредственным.

Ольга ушла одной из первых, недолго после Светланы проработала. Сердце рвалось от вида того, как новые хозяева рушат традиции и знакомые, давние клиенты качают головами и хмурятся от новых порядков.

Потом она сменила ещё четыре ателье, поработала на швейной фабрике. Огонёк угас. Вытаскивать себя из дома по утрам становилось всё тяжелее. Работа была не в радость. Мучиться в ожидании выходных, считать дни до отпуска и часы до окончания смены? Однажды решила: хватит! Занялась шитьём на дому.

Если просто шить какие-то одёжки и сдавать их в магазин и Светлане на рынок было ещё возможно, то выполнять частные заказы, как намеревалась, вскоре стало немислимо: чужих людей её дочь совсем не выносила. И если вдруг для кого-то всё-таки Ольга делала исключение, наскоро снимала мерку и старалась по телефону выяснить все нюансы, то Юля после устраивала ей скандал. Чужие люди отвлекают её от уроков и вообще, могут что-то украсть! Зачем они нужны здесь? Пусть покупают на рынке.

После суда

За хорошее поведение срок Серёге сократили, а потом по указу амнистировали. С его копеечного заработка – они резали по дереву и выполняли прочие плотницкие работы – шли крошечные отчисления за машину. Зная о перспективе ещё долго делиться зарплатой с предателем, Серёга не торопился определяться на работу. Благодаря прежним связям, Светлане удалось его устроить фиктивно, дворником при их поликлинике.

Переборов, наконец, свою дрожь в руках, что возникала у него после аварии всякий раз, как приближался к машине, Сергей определился торговым представителем одной именитой компании по производству бытовой химии. Белые «газели» с ярким логотипом по всей области развозили хорошо разрекламированную продукцию. И зарабатывали неплохо. Серёга – ровно до того момента, как попался однажды на глаза Михиной матери. Она тут же поставила на уши судебных приставов, и Серёга, начавший было вольготно жить и трудиться, тут же уволился, не желая делиться львиной долей заработка с этой ушедшей мадам и её сыночком-предателем. Машина давно была отремонтирована, Миха продолжал свою разгульную жизнь, только дружки у него были новые, не знавшие истории с Серёгой.

Возврат долга

Сергей, когда оказался не у дел, вынужденно покинув место торгового представителя, устроился на рынке же грузчиком. Собрать-разобрать палатки, привезти-увезти баулы с товаром. Без оформления, и основная часть дня свободна. Конечно, больших денег это не приносило... Однажды ушлая мадам, Михина маман, узрела Серёгу восседающим в одной из палаток, где он завёл шуры-муры с молоденькой продавщицей одежды. Судебные приставы были вновь поставлены на уши. И Серёге настоятельно порекомендовали в ближайшем времени рассчитаться, наконец, с долгом.

Он узнал точную сумму, которая оставалась, и пообещал в течение месяца решить вопрос. Так как официально он по-прежнему числился дворником в поликлинике, квартира приватизирована не была, следовательно, имущества за ним не числилось никакого, то его обещание было для приставов мёдом в уши.

А Серёга решил устроить для назойливой и наглой мадам, по чьей милости его осудили на реальный срок, финальный фейерверк. Став реализатором мужских курток, он знал, что требуемую сумму заработает быстро, расчёт был ежедневный. По рынку курсировало несколько «чайников» – самозанятых граждан с самодельными тележками, на которых развозили чай, кофе, сладости. Сергей со всеми свёл быстрое знакомство и посвятил в свою идею...

Когда приблизился срок уплаты, Сергей позвонил в службу приставов, чтобы договориться о точном времени передачи остатка денег. Ему сказали, что можно просто перечислить безналично на такой-то счёт.

– Нет, передача денег состоится при свидетелях, из рук в руки, в кабинете пристава, наличными! И с получением расписки, что долг погашен.

Серёга явился с большой тяжёлой сумкой. А дальше было вот что. В помещении, где сидели четыре тётеньки-пристава, раздался истошный крик. На него устремились сотрудники из других кабинетов. На полу между столами была постелена газета. На ней возвышалась гора мелочи, которую Сергей высыпал из своей сумки. Кричала не своим голосом разгневанная Михина маман.

Приставы старались сохранить строгий вид, но это получалось неважно, так что некоторые выскакивали из кабинета и неслись подальше, чтобы вволю поржать. У «чайников» Серёга наменял много монет. Среди них преобладали рублёвые и пятидесятикопеечные.

– Будете пересчитывать или так подпишете акт о получении? – спросила ответственный пристав, под чьим патронажем и проходило это дело. Ей было явно не до смеха...

– Буду пересчитывать! – грозно взревела одураченная мадам. Она явно намеревалась уличить должника в недостатке. Кто-то заикнулся было о весах, но мадам так зыркнула на советчика, что пришлось прикусить язык.

Серёга уселся на стул. Входили и выходили клиенты, которым было назначено, аккуратно обходили деньги на полу, над которыми на корточках ползала пунцоволицая дама, выстраивая монетки столбиками, чтобы не сбиться, и отмечая что-то на листочке.

Серёга положил нарочно лишних монеток, чтобы посмотреть, сойдётся ли у его врагини сумма. У неё всё сошлось! Несколько часов продолжалось это действо, о котором после ходили байки. В заключение, когда акт передачи был подписан, дама спохватилась:

– А как же я всё это понесу? Пусть отдаст вместе с сумкой!

Тут уж и приставы возмутились: с какой стати? В постановлении суда была указана сумма, но без подробностей – какими именно деньгами надлежало выплатить долг. И уж совсем ничего не говорилось о том, как она будет забирать свои деньги. Мадам позеленела и стала звонить Михе, чтобы он привёз ей сумки, на его вопросы зло шипела, что всё расскажет потом. Серёга в это время распрошлся с приставами, которые укладкой выказывали ему

своё одобрение – кивком, большим пальцем, подмигиванием. У бывшего должника не было желания сталкиваться в дверях с бывшим дружкой. За которого мама ходила выколачивать неправедные долги.

Личная жизнь

В скором времени Серёга устроился работать в автомагазин, по льготному кредиту приобрёл себе «тачку», а потом и женился.

Правда, прожили они недолго и разбежались с жутким скандалом. Серёге надоели вечные придирки и стенания о том, как мало он приносит денег. И разборки жены с его матерью. Его благоверная сидела дома, в окружении бессчётного количества баночек, тюбиков, шкатулочек с косметикой. Батарея бытовой химии конкурировала с небольшим хозяйственным магазином.

Обеих с Татьянкой приходилось одевать не однажды за сезон, и в самое лучшее. При этом его встречали с работы с недовольной миной: суп ещё не доварился, Татьяна вымотала все нервы, требуя прогулки, а хлеб, молоко и майонез закончились, как и памперсы. Лёгкий на подъём Серёга летел в магазин и аптеку (а позвонить нельзя было, чтобы забежал с работы?), потом одевал ребёнка и с бурчащим животом катал по району в коляске или на санках. О подходящей подстилке и штанах на вате родители не побеспокоились, и ребёнок простудил почки. Гулять пешком считалось слишком зазорным: упадёт, схватит грязь, убежит...

Деньги на обед и сигареты Серёге выдавались. Всё свободное время он таксовал на недавно купленной в кредит машинке. Однажды в нервном из-за очередного скандала состоянии ему пришлось сесть за руль. Хотел отдохнуть, но ненаглядной шлея под хвост попала. Плюнул да поехал. На светофоре чуть замедлился и в зад получил от горячего джигита. Подлянка была ещё и в том, что жена выгребла все мани, а страховка на днях буквально закончилась. Собственно, из-за этого он и поехал подзаработать... Ремонт с просроченной страховкой влетел в копеечку и тянулся бесконечно.

Последней каплей стало празднование в кафе дня рождения чьего-то малознакомого родственника. Отвыкшая от тусовок мадам отрывалась вовсю. Выпив со всеми, добавляла себе потом сама, беззастенчиво клеилась к дядькам, смачно целуя распухшими фиолетовыми губами, тащила танцевать, бесстыдно сверкая декольтированной блузкой. На Серёгины сердитые реплики – а он тоже изрядно выпил – отмахивалась и пьяно гримасничала. С большим трудом удалось усадить её в такси.

Дорогой они продолжали ругаться и вернулись домой заклятыми врагами. Серёга закатил ей сцену ревности, оскорбления сыпались бессчётно с обеих сторон. Когда была в нелестном контексте задета его мать, Светлана, Серёга рассвирепел. Татьяна рыдала на руках у бабушки в другой комнате, соседи стучали в стены, Серёга кидал зарвавшейся дряни её шмотки.

Примерно через час приехало такси и увезло Татьянку и её мать к дедушке. Бабушка и дедушка давно жили врозь. Спихнув взрослую дочь её отцу, Татьянкина бабушка кинулась менять мужиков. Похоже, яблочко недалеко укатилось.

Вместе Серёга с женой больше не жил, вскоре они развелись...

Глава 13. Кэтрин. ПМЖ – Германия

Немецкий и английский Пашка знал довольно сносно. У Кэтрин было гражданство, поэтому каких-то особых трудностей у них с адаптацией не возникло. Ему пришлось по вкусу традиционная немецкая еда – охотничьи колбаски, кислая капуста, эль... Закономный пейзаж тоже был приятен, особенно, когда зацвели весной посаженные Кэтрин клумбы.

На своём небольшом участке при доме Кэтрин разводила цветы. Здесь не принято было делать грядки с картошкой-морковкой-капустой. Да она бы и не смогла этим заниматься: огородница была никакая. А вот цветы высаживала охотно. И гармоничная душа просыпалась, когда по утрам Кэтрин выходила из дома и видела свои цветущие клумбы и осознавала, что она своими руками произвела такую красоту. Это было не столько садоводство, сколько творчество. Пришедший наконец в себя Павлик отдавал должное причудливым клумбам. Они оба не любили букеты дома. Цветы должны расти. Сорванные цветы – это как произведение искусства, выкинутое на помойку. Краткое цветение, удушливый запах... Лучше было любоваться в окно или выйдя на крылечко. На простор, на воздух. Вот тогда красота эта была органичной и грела душу.

Всё у них складывалось в общем-то неплохо. Конечно, если не считать того, что поблизости не было никого из хорошо знакомых. Но их и в России уже осталось не так много.

Через интернет не прекращали переписываться с Ольгой, Лёней, иногда что-то писал Сергей. Бывало, что разговаривали с Серёгой или Танюшкой по скайпу.

На соседей Павел особого внимания не обращал, это не в многоквартирном доме, «guten Tag» при встрече – и довольно с них.

Окончил компьютерные курсы, которые были больше для проформы, для бумажки, потому что всё, чему учили, он и так давно уже знал и умел почти в совершенстве. Работать устроился в фирму, которая занималась сервисным обслуживанием компьютерной техники, установкой ПО. Мотался по разным адресам, как самый молодой, заодно и город узнал, ремонтировал чужие компьютеры, ставил антивирусы, восстанавливал повреждённые данные, устанавливал новые программы. Кэтрин... чем занималась Кэтрин, он как-то не особо интересовался, – чем-то музыкальным, вроде бы, преподавала и выступала. Куда-то уходила, потом приходила, рассказывала обо всём неохотно. Чаще они молчали. Кто приходил первым, тот готовил еду. По выходным иногда ездили по магазинам или в кино, Кэтрин приобретала также билеты на концерты классической музыки.

Посмотрев на ассортимент магазинов одежды и то, как одеваются здесь люди, Кэтрин покопалась в интернете и села за швейную машинку. Не хватало ещё переплачивать за посредственные вещи!

Она предпочитала сдержанный, не лишённый шарма стиль без излишеств. Впрочем, в чопорности и отсутствии вкуса её едва ли кто мог заподозрить. Точёная фигура позволяла выглядеть презентабельно в одежде любого фасона.

Для брата шились брюки, толстовки, куртки, а также стильные рубашки и жилетки «на выход». Павел не капризничал, вполне полагаясь на мастерство сестры. Для него было главное – чтобы удобно и не стрёмно. Хотя и магазинный ассортимент ему казался не таким уж убогим.

Кэтрин вела историю музыки в консерватории и параллельно обучала детей в музыкальной школе. Изредка участвовала в сборных концертах и каких-то конкурсах «местного значения», если приглашали. Сама не особо к этому стремилась. Так внезапно погибший Юрий, неистребимая игромания Генки, кривой зигзаг Серёги, продажа ателье и разорение музыкалки, наконец, страшная и нелепая смерть от цунами родителей, а сразу следом ушёл Олег – всё это

било по ней изуверски точно. Не подавая виду, Кэтрин страдала молча, внутри, им с Павлом надо было просто выжить среди каверз холодного мира.

В родном Магдебурге это оказалось проще. Волнующий душу запах Эльбы! Кажется, он доносился отовсюду. Все мосты, все берега исхожены, летом там было такое раздольное купание! И замирание от трепета перед величественным зрелищем – водопадом... Но теперь вода вызывала всегда безотчётную дрожь.

Маленький костёл «Собор наших милых женщин», построенный в незапамятные времена каким-то неведомым рыцарем, – там проходили разные выставки, Кэтрин с мамой часто их посещали. Незабываемые походы в оранжерею среди маминых учеников, а весь путь повторяли на русском названия предметов и растений, явлений природы, и рассказ на экскурсии, и взгляды вскользь на встреченных детей из семей советских военных, робкие знакомства и совместные игры. Книжный магазинчик на углу, с его неповторимой атмосферой, пожилой герр Шульц всякий раз с таинственным видом подводил девочку к одной из дальних полок с занятыми новинками.

А любимый Норд-парк, где каждую весну распускалось несметное количество синих-синих цветов! А ещё собор, куда её водила строгая бабушка, принакрыв волосы чёрной ажурной шалью. Чистые ровные тротуары и дороги, приветливость продавцов Кэтрин смогла оценить только в сравнении с российскими...

Конечно, всё здесь было связано с Магдой (интересно, её назвали намеренно в честь родного города?). Но эти детские воспоминания, как и горечь от разлуки, уже притупились. Кэтрин бережно хранила фотографии мамы, видела в зеркале много общего с ними. Но видимо, всё сложилось так естественно, что боль утраты была прожита тогда безвозвратно. Кэтрин сама увидела, во сне: мама превратилась в белую птицу. И приняла это с печалью неизбежности, в ребячьей наивности думалось даже: птица – это хорошо. Новая семья уже баюкала её своими заботами, отношениями, правилами. Казалось, она всё детство ждала этого человека, которого сможет назвать отцом и который покажется ей гораздо лучше всех мужчин, с кем ей за 11-летнюю жизнь пришлось сталкиваться. На военных в своём городе она всегда смотрела с опаской (сохранённой в генах?) и была рада, что её Vatti – не один из них.

Неожиданный трагический уход из жизни отца и его жены (какой же близкой и по-настоящему родной стала за эти годы Лиля!) подкосил незыблемое, на раз сделал её старшей в семье. Лёня ушёл в науку и обосновался в Петербурге, он «крепкий орешек» и себе на уме, привык быть самостоятельным. Павлик нуждался в незаметной опеке. Возиться с компами ему нравится, и что за печаль – не получил высшее образование? Захочет – наверстает, сейчас встать на ноги и найти себя в этом мире – главное. С каким простым и естественным выражением он кладёт в шкатулку денежку «на хозяйство», Павел непременно гордился бы своим сыном.

Глава 14. Марина в Кении

От Маришки долго не было никаких вестей.

Раздосадованная отношением родных к её браку с Ортего, девушка (новоиспечённая госпожа Оконджу!) вскоре вернулась с ним в Москву. Последний год доучивалась нервно, торопясь, уже предвидя, что работать по специальности ей вряд ли доведётся. Хотя продолжала изредка подрабатывать, брала интервью у интересных людей, составляла какие-то обзоры. Однако новая идея владела всеми мыслями. Ортего обещал увезти её в свою жаркую страну, где никто не помешает им строить собственную семейную жизнь. Маришка лишь изредка переписывалась через интернет с Ольгой и Кэтрин, но и им о важном событии сообщила уже в последний момент. Диплом был получен, оформлены визы, собраны чемоданы.

«Марина, ты всё продумала? Ведь много случаев, когда...»

Дальше она и читать не стала. Сколько же у людей предрассудков! Мы не в каменном веке, сейчас везде есть связь, если ей не понравится, в любой момент можно возвратиться! Эта привычная жизнь никуда от неё не денется. Ортего такой милый, такой страстный, так её любит, как они могут этого не понимать. Всё остальное уже стало пресным и надоевшим, размаха не хватает и адреналина, хочется вырваться на свободу и насладиться шокирующей природой Африки. Джунгли, крокодилы, жара и «туземные племена», где все чернее сажи. Она непременно выучится готовить их национальные блюда и научит готовить свои, они примут её в свою семью, Ортего говорил, как высоко у них ценятся белые девушки.

В общем, родители обо всём узнали постфактум, когда их любимая дочка уже перешагнула порог чёрной Африки. Ольге она из аэропорта написала, что прилетели, передала всем приветы... И это была последняя весточка.

Ортего Оконджу получил в Москве диплом врача-терапевта и теперь рассчитывал обосноваться в Найроби, столице своей родины Кении. Чем будет заниматься Марина, они пока не говорили. Рослый и губастый, с фиолетовым отливом негр из племени луо в мечтах видел свою русскую жену домохозяйкой и матерью его многочисленных наследников. Мулаты красивые, а значит, и двери им повсюду открыты.

Незнакомая столица поразила Маришку. Это был современный город с огромными домами, оживлённым движением, пальмами на улицах. Впрочем, не меньше, чем непривычной архитектурой, была удивлена она обилием чёрных людей. Хотя ведь это Африка, чему удивляться?! Но смущение не проходило, девушка чувствовала себя здесь буквально белой вороной, на которую таращились и цокали языком. Марина старалась прятаться за широкой спиной мужа. Во сне увидела потом много этих чёрных лиц с белыми зубами и глазами навыкате. Впрочем, они вели себя вполне дружелюбно. «Вот уж не думала, что люди станут для меня главным потрясением!»

В их отеле был ресторан на крыше, откуда супруги Оконджу (Маришке нравилось мысленно объединять так себя с мужем) могли любоваться вечерним городом. Он был прекрасен. А вот бродить по улицам не особо хотелось: даже в столице то и дело попадались кучи мусора, муж объяснил ей, что принято выкидывать его прямо на дорогу. Ужин был вкусный, а порции большие, так что они провели прекрасный вечер. Вай-фай в отеле тоже первое время радовал. И горячая вода! Маришка после дороги с удовольствием приняла ванну. Персонал оказался вышколенным, так что обслуживали их прекрасно. Если учесть, что гостиница принадлежала к дешёвому сегменту, то лучшего трудно было и желать. Правда, оживлённое движение за окном не прекращалось и ночью, но после перелёта спалось отлично.

Что Марину ошеломило в Кении больше всего – другие запахи. Воздух казался каким-то густым, насыщенным чужими оттенками. И ещё непривычной была вода, которую приходи-

лось покупать разлитой в бутылки – другая для питья, приготовления пищи и даже для мытья посуды не годилась.

Они сходили на искусственное озеро, что расположено в парке, обсаженное неведомыми деревьями. Едва узрев на озере катамараны, Маришка тут же вспомнила детство, дом отдыха, куда они ездили с мамой, Лилей и братишками. Немножко взгрустнулось – где они теперь! Там катамараны выдавались в прокат, и они дважды с восторгом опробовали это плавсредство. Вот почему и сейчас Маришка загорелась и с удовольствием сделала пару кругов по озеру.

Посмотрели на карусели, батуты, надувные горки, где резвились детишки. Большое впечатление произвели лежащие в тени деревьев, на траве газона, разные люди. Было их не так много, и казалось, что это привычное их времяпрепровождение. Местные бомжи? Ортего отрицал.

Башни финансового центра виднелись издали. Заглянули на спортивную площадку, где молодёжь гоняла на скейтах и великах. Совсем как дома в парке!

Маришка потащила мужа и на смотровую площадку: ей непременно надо было видеть парламент и часовую башню!

Яркие шустрые маршрутки привлекали внимание. Удивляло, что и здесь бывают пробки. А ведь жителей гораздо меньше, чем в среднем российском городе.

Река называлась так же, как и столица. Конечно, мимо пройти было невозможно! И какое же постигло разочарование, когда, приблизившись, рассмотрела горы мусора на берегах и в самой протоке.

Ортего из окна номера показал ей на трущобы: в тот район ни в коем случае нельзя, даже днём там подстерегают серьёзные опасности. Конечно, ещё в Москве они сделали все прививки, но Марина чувствовала себя не очень уверенно, узнав о частоте случаев холеры, не говоря уж о СПИДе.

В отеле они поселились временно. Ортего рассчитывал быстро начать работу и получить жильё при больнице. Однако его попытки устроиться в частную клинику не имели успеха. Недостатка в персонале столичные больницы не знали. Во всяком случае, так ему сказали. Но в одном из учреждений намекнули: он без опыта работы, рисковать репутацией престижные заведения вряд ли будут. Оставалось идти в государственную лечебницу. И в первой же Ортего был обласкан и немедленно зачислен в штат. Радости это вызвало немного: устаревшее оборудование, обшарпанное здание, толпы больных и ничтожная зарплата. Утешали мысли – это всего лишь на первое время.

Заскучавшая в номере Маришка пожаловалась на медленный интернет и отсутствие кондиционера. Ортего криво усмехнулся и велел собирать вещи.

Маленькая и грязная комнатка при больнице повергла в шок. Но неунывающая Маришка побросала сумки и пакеты, засучила рукава и тут же принялась за уборку, драила и намывала все поверхности, пока вода в ведре не стала бурой. Велела Ортего раздобыть хотя бы лампочку, если уж не плафон. Повесила на окно занавески, брезгливо скрутила в рулон тощий тюфяк с кровати. Ортего раздобыл где-то и люстру, и новый матрац. Маришка застелила постель и занялась столом. Набросила скатёрку, расставила посуду – накануне они прошлись по магазинам и приобрели самое необходимое для быта. Тут же на плитке был приготовлен нехитрый обед.

– Ты знаешь, нам придётся пока пожить скромно. Иначе все деньги быстро улетят. Я завтра начинаю работать.

Дерзкие планы

Сидя в гостинице, пока Ортего искал место, Маришка лазала в интернете по местным сайтам. Хорошо, что были они на английском. Как выпускницу журфака её интересовали СМИ. Не говоря о том мужу, намеревалась разведать обстановку: нельзя ли ей устроиться работать по специальности? Сидеть дома и заниматься хозяйством не планировала точно.

Среди журналистов попадались преимущественно мужчины-негры. Но это её не смутило. «Надо написать небольшой очерк о моих впечатлениях и попытать счастья!»

Её приняли и с немалым удивлением выслушали. Смущаясь от взглядов редактора, пожилого негра с большими руками, она старалась казаться смелой, а потому английские слова у неё немного путались. Завершила тем, что положила отпечатанный очерк на стол. Он пробежал глазами, покачал головой. Конечно, это можно опубликовать в разделе отзывов гостей города, есть несколько занятных моментов в её заметке, но на статью за гонорар она явно не тянет. Белые девушки у них в редакции никогда не работали. Вакансий журналистов нет, но если будет стоящий материал – например, о жизни в трущобах, тогда он готов поговорить о сотрудничестве.

Конечно, Ортего рассказывал ей всякие ужасы о трущобах... И даже по улицам она шла с опаской, то и дело натываясь на сальные взгляды. Но не будь в её сердце азарта и авантюризма, она вряд ли решилась бы закрутить роман с негром и тем более отправиться с ним на чёрный континент.

Видя за ужином её сверкающие глазки, Ортего спросил, не придумала ли она себе какое-нибудь опасное развлечение. Марина смешалась. Несколько противоречивых эмоций попеременно отразилось на её лице.

– Да, мне тут скучновато сидеть целыми днями, – уклончиво сказала чистую правду.

– Ничего, скоро у меня выходной, сходим с тобой в парк, в кино, в ресторан.

«По ресторанам ходить – никаких денег не хватит», – подумала, но вслух вырвалось другое:

– Ты обещал свозить меня в национальный парк!

– Позднее, хорошо?

Она нехотя кивнула и перевела разговор:

– А что у тебя за больные?

– Самые разные. Чаще запущенные случаи: лихорадки, инфекции, даже с укусами насекомых приходят, хотя это мне не по профилю. Бывают просто истощённые. Тяжёлая работа. Сорок семь человек сегодня принял, устал.

Марина погладила его руку. Всё не так представлялось из Москвы. Она рвалась к свободе, хотела показать свою независимость от мнения родни, доказать свою способность на Поступок. Может, ей следовало отправиться туда, где воюют, чтобы совершать подвиги, балансировать на грани жизни и смерти, нахвататься адреналина до отвала, повесить на грудь ордена! Слишком мелким ей казалось заниматься бытом, ждать с работы мужа, слушать о больных...

Впрочем, завтра она осуществит свою идею и отправится в эти трущобы, которых все так отчаянно боятся. Словно они находятся не в столице современной цивилизованной страны, а в каком-то Средневековье. Что она, дома пьяниц или бомжей не видела? Только и разницы, что эти чёрные.

Трущобы

Конечно, она припасла себе закрытую одежду, джинсы и перчатки, наглухо замотала в платок голову; чтобы не подхватить какую-нибудь заразу, сбрызнула себя спреем от насекомых. Проверила диктофон на мобильнике, вопросы для интервью быстро возникли сами собой. Сориентировалась по карте в интернете, куда ей лучше ехать. Набрала на всякий случай СМС для мужа и отложила в черновики, если вдруг потребуется – можно отправить одним нажатием кнопки.

Решилась ехать на матату, хотя эти устаревшие «маршрутки» пользовались дурной репутацией. Но ей требовалось попасть в подходящую эмоциональную волну, хватануть новизны. Созерцание исподтишка непрезентабельных пассажиров, ветхие сиденья, затоптанный до невозможности пол, скрипучие двери тому способствовали. Впрочем, добралась она без приключений.

Прижимая надушенный платочек к лицу – смрад уже начинал подступать – храбро ступила на убогую улочку. Сначала она подумала, что надо бы идти с другой стороны, а то на этой окраине, видимо, располагалась помойка. Обойти было невозможно, бесформенная огромная куча расплзалась во все стороны, сколько хватало глаз. Увидев туземца, Маришка по-английски спросила, где вход в их селение. Он замахал руками, не понимая, и устремился прочь. Она с трудом отыскала жалкое подобие тропочки. Но ботинки оказались уже замазанными нечистотами, так что она перестала на них смотреть и просто перешагивала через слишком подозрительные предметы и лужи.

Показалось что-то похожее на хижины. Почерневшие низкие крыши теснились одна к другой. В пустых проёмах висели какие-то тряпки. Мусор здесь валялся повсюду. Полная, пёстро одетая чёрная женщина вышла на улицу и выплеснула из грязного бака помой, едва не забрызгав Маришку.

– Осторожнее! – крикнула она по-английски, отпрянув в сторону.

Женщина с безразличием посмотрела на неё и ушла.

Неряшливо одетый ребёнок копался в груде мусора, тут же тёк подозрительный мутный ручей. Ребёнок нашёл какой-то плоский продолговатый обломок и опустил в жижу. «Кораблик» понесло течением, ребёнок белозубо засмеялся и побежал за ним, сверкая белыми пятками. Все они здесь были босые.

Где-то невдалеке мелькнули мужские фигуры, и Марина подивилась тому, что негры бывают, оказывается, низкорослыми. Потом поблизости в доме – или как они тут называются? Лачуги? – заплакал ребёнок. Это почему-то вызвало тревогу. Хотя в безоблачном небе так же светило солнце и было безмятежно и чисто. Не то что перед ней. Блуждая по узким захламлённым проулкам, уже не рада была своей затее.

Вдруг от одного из домов отделилась тень. Чудилось в приближении этого человека что-то зловещее. На плохом английском он отрывисто спросил, что ей здесь надо. Сердце Маришки тяжело ухало, за незнакомцем чувствовалась ей какая-то сила, может быть, власть. И, несомненно, угроза.

– Я хотела посмотреть и написать об этом.

– Здесь тебе цирк? Здесь живут такие же люди, как ты! Они тебе не звери в клетках, чтобы рассматривать.

Маришка стушевалась.

– Для белых проводят экскурсии, договариваются с нами. Куда ты полезла одна? Здесь могут отобрать камеру или убить за одно фото.

– Нет у меня камеры, только телефон. И не снимала я ничего. Хотела с кем-нибудь поговорить, сделать интервью. А вы мне не можете?

От такой наглости негр засмеялся.

– Может, тебя лучше вывести отсюда, пока цела?

Марина закусила губы. Уйти ни с чем? Зря что ли она так перемазалась и нюхала все эти помойки?

Поняв по её глазам, что не отступится, новый знакомый (это оказался местный «авторитет», управляющий жизнью в своей части трущобы) велел идти за ним.

Они долго шли мимо лачуг, где-то прямо на земле сидели люди, около них дымился уголь в камнях, там стояла посуда с варевом. Тут же бегали или играли какими-то обломками дети. То и дело надо было переходить через мутную жижу. Впрочем, Маришка увидела и неожиданное: местный «кинотеатр» в сарае, похожем на фургончик, салон красоты, магазин, что-то типа небольшого рынка. Отметила, что почти все жители были одеты опрятно, хотя и бедно. А как же, многие из них всю свою жизнь не покидали этих мест.

«Куда он ведёт меня?» Оказалось, в трущобах есть своя школа! Детишки резвились во дворе, и форма у них была: у девочек клетчатые платица с белыми воротничками, у мальчиков одинаковые рубашки и штаны. Головы все коротко стриженные, курчавые.

Провожатый привёл Маришку к директору школы.

– Она хочет написать о нас в газету.

Немолодой усталый человек в белом костюме усадил её на диван и принялся рассказывать о том, что школа у них только пять лет, но попадают очень способные дети, хочется помочь им вырваться в большую жизнь. Учатся все с немалым желанием. А учебных пособий, бумаги и ручек мало...

У Маришки возникло ощущение, что она в родном городе, в одной из школ, только разговор идёт на английском. Как же похожи педагоги всего мира, сколько общих печалей у них! И то же озабоченное выражение на лицах, и интонации...

Ей разрешили сделать несколько снимков, негритята с большой охотой позировали. Задор на лицах, искренняя радость, детская непосредственность и озорливость, шаловливые горошины чёрных глаз – вот что увидела и запечатлела Маришка вместо расхожих клише: измождённый, с торчащими ребрами темнокожий ребёнок, умирающий от голода. И как же ей нравилось здесь, среди них, любознательных и шустрых, находиться! К сожалению, предметов, которыми бы могла поделиться, с собой у неё не оказалось. Даже ручки или блокнота. Только немного денежек оставила в «копилке» директора на тетради.

Выведенная своим провожатым из трущоб, Маришка пообещала найти его снова, когда выйдет газета с её статьей. Вытерлась, насколько удалось, влажными салфетками и отправилась домой – снова на матату, не в такси же разъезжать с такими «ароматами».

День пробежал быстро, и Ортего был уже дома. Оказалось, Маришка ненароком нажала кнопку, когда убирала телефон, и тревожную эсэмэску он получил буквально недавно.

Таким своего мужа Маришка ещё не видела. От ярости он не мог подобрать русские или английские фразы, из него исторгались какие-то местные наречия. Но перепуганной девушке даже не потребовалось перевода.

– Девчонка! Дура! Какая же ты дура! – кричал огромный негр с лиловым, налившимся кровью лицом. – Зачем тебя туда понесло? Ты разве не знаешь, как там опасно?! Тебя же могли даже убиить!!!

Он замолк, схватившись чёрными руками за голову.

– Маринка, иди в ванну, сильно воняет, – сказал вдруг уже по-русски. Она, размазывая тушь по лицу, закивала и бросилась в душ, намыливалась и поливалась там долго, переживая задним числом ужас своей затеи, убогий вид нищенских лачуг и нестерпимые миазмы, источаемые горами мусора. И как сильно он испугался за неё, никогда ещё не орал так грубо.

Ортего сказал, что купит браслет с чипом, чтобы всегда знать, где она находится. Если только она ещё туда сунется...

– Сунусь. Я обещала принести статью, фотки и что-нибудь для школы.

Он зарычал и схватил себя за уши.

– Я оторву уши, пусть они не слышат это!

Маришка, чистенькая и розовая, в одной тунике, сквозь неё просвечивало тело, обняла своего рассерженного мавра.

– Ты помнишь, что женился на журналистке? У меня проснулся профессиональный азарт, мне осточертело просто сидеть дома и варить тебе ужин! – все это нежным, мурлыкающим голосочком. Следом она рассказала о визите в редакцию и своих планах.

– Тебя не возьмут в газету, там одни чёрные мужчины.

Наверное, он был прав.

– Милый, ты разреши, я всё-таки попробую! Мне очень нужно написать хорошую статью об этой школе, о будущем Африки, об этих светлых детях! Да-да, не смейся, ты понимаешь, почему «светлых»? И чтобы её опубликовали, и чтобы люди узнали и захотели помочь этой школе!

– Лучше бы я женился на медсестре... У нас были бы общие интересы и общая работа. А я женился на какой-то миссионерке, ей непременно надо нести просвещение бедным детям Африки!

Его ехидство было пропущено мимо ушей.

Они договорились, что Маришка больше не будет скрывать свои планы и действовать втайне от мужа.

– Но ведь ты весь изведёшься и не сможешь работать, если я скажу, что снова отправилась в трущобы.

– Значит, мы поедем туда вместе в мой выходной день. А может, ты возьмёшь мои книги и выучишься на медсестру?

...По-русски вышло весомо, злободневно и звонко. По-английски получилось более сдержанно, местами острее. Ортего сделал ей замечание и сказал: в остальном ему нравится.

В редакции на Маришку посмотрели уже с большим интересом. Тема статьи вызвала оживление, подача материала, свежесть взгляда и хороший язык получили одобрение. Но гонорар посулили скромный. Маришка была не из тех, кто гонится за гонорарами.

Статья получила резонанс, отклики были и от русских туристов. Маришке предложили именно для них, в расчёте на пожертвования школе, сделать перевод. В тот же миг она по электронке отправила первый вариант статьи, чем вызвала восторг. Статью разместили на сайте газеты и в некоторых новостных русскоязычных блогах.

Ортего сдержал слово. Накупив канцтоваров, распечатав фото, с пачкой газет, в выходной день они отправились в трущобы. Провожатый был в этот раз вежлив и снисходителен, не плутал по зловещим закоулкам, а вывел короткой дорогой к школе. Оказалось, статья уже принесла плоды: две делегации туристов и представители местных учреждений образования посетили школу с подарками, и на счёт стали поступать пожертвования. Марина испытала приятные мгновения гордости за результаты своего труда. «Знал бы папа!»

Каток

Одной из заметных достопримечательностей современного города является крытый каток. Даже в захолустье, на родине Маришки, таковой имелся, не говоря уж о Москве. С подружками и с Ортего (сама шнуровала ему коньки, в которых ковылял вдоль бортика и непрестанно спотыкался) она во время учёбы неоднократно там бывала. Это вам не дворовый, небрежно залитый, который всякий раз плыл при неожиданной оттепели, и где так легко было сбить коленки и локти. Одно наслаждение скользить по безукоризненному искусственному льду – особенно, когда на улице жарит летнее солнце.

В Найроби каток не только был, но ещё и самый большой во всей Африке! Конечно, Марина неоднократно намекала мужу, что неплохо бы туда наведаться. Но ведь у него не было снежно-ледового, коньково-лыжного провинциального детства! Снег в Москве, непрестанно расчищаемый и увозимый, не давал нужных впечатлений: всё жило в строгих рамках, даже природа. Негру было не понять, какие эмоции и воспоминания возникают у его русской жены на катке, а потому не разделял её энтузиазма и стремлений.

И всё-таки однажды Маришке удалось затащить мужа на Солар Айс Ринк. Он одновременно мог принять двести человек – такое громадное пространство! В этот час было не больше двух-трех десятков человек; чёрнолицые, в пёстрых шапочках, они скользили неуверенно, но было видно, что радуются, как дети, непривычному развлечению. Лёд пах, конечно, не русской зимой, а чем-то синтетическим, примешивался к тому же запах пота от движений, но это было неважно.

Марина выбрала беленькие «фигурки» и, не заботясь о копошащемся муже, ринулась на лёд. Не сказать, что она была искусной фигуристкой, но кружиться волчком, скользить попеременно на одной и другой ногах, мчаться по кругу ей доставляло истинное удовольствие. Раскрасневшаяся, с выбившимися из-под шапки прядями волос, с блестящими глазами, Марина лихо подъехала к ограждению, где дожидался её Ортего. Доктор Оконджу потирал колено и бедро. Оказалось, что промчался почти час, Марина не могла поверить – ведь они только пришли...

Национальный парк

В один из выходных Марина настояла на том, чтобы побывать в национальном парке Найроби. В ясную погоду она видела невдалеке проступающие пологие горные вершины – горы Килиманджаро и Кения, казалось, обступали город, утопая в дымке молочных облаков. До великанши было не добраться, зато тезка страны звала и манила в парк. Строго говоря, Кения (Маришке нравилось называть её Ксенией) была не горой, а потухшим вулканом, что только добавляло ей шарма.

Ах, как это невероятно смотрелось: сросшиеся кронами деревья, меж ними неторопливо прогуливаются длинные-длинные пятнистые жирафы. Из окна автомобиля Марина рассмотрела и небольшие рожки, и мохнатые смешные уши, которыми животные подёргивали, вероятно, отгоняя мух.

А целое стадо слонов! Это вам не пара цирковых, в расшитых пополах. Серые, всех оттенков, с морщинистыми хоботами и невероятными ушами-опахалами, маленькими глазками, они даже не смотрели на зевак, щипали себе зелёные побеги. Вздрагивал хвостик молодого слонёнка, прижавшегося к маме. Стадо перемещалось, переступая ногами-колоннами. Вскоре их фигуры стали напоминать бесформенную груду валунов.

Снова любопытные жирафы тянут грациозные шеи.

Самое поразительное, что город, большой современный город с небоскрёбами, был совсем рядом. Он выглядел неестественным задником из фантазмагорического спектакля, где всё перепутано. На его фоне полоскалась на ветру сочная высокая трава, её топтали и ели полосатые лошадки из детских книжек – зебры. Их упругие попки и животы казались резиновыми.

Носорогов им встретилось сразу два – большой и ещё безрогий тупорылый детёныш.

Хищников они видели издали: очевидно, насытившийся прайд отдыхал в траве после удачной охоты. Кончики ушей, кустики мохнатых грив, плюшевые бока...

Зелень издаёт пряные, пьянящие запахи. Чем ближе к горам, тем свежее и разреженнее становится воздух.

Изящные тонконогие газели встретились по пути на гору Кения – Марина и допустить не могла мысли, что уедет, не покорив горных высот такой близкой, с пологими склонами, соседки.

Сколько раз она видела проступающий сквозь шпили зданий серый неправильный конус! Он преображался с наступлением темноты, то пропадая среди туч, то зацепляя боа из облака на могучей своей «шее». Непременно надо было ступить на неё, и потрогать руками камни, и проникнуться горным духом, и разгадать тайну аборигенов-газелей. Тонкие рожки и большие овальные глаза с глубоким взглядом приковывали внимание. И напрасно Ортего говорил, что они не успеют до темноты, им придётся где-то заночевать – да в африканской ночи Кения-красавица смотрелась ещё более волшебно. Ах, из-за этих видов (Маришка не успевала нажимать на кнопку фотокамеры, не замечая её тяжеловесности) стоило уже сбегать в Африку! Жаль, никто не селится прямо здесь, в парке или на горе. Вот бы где хотелось остаться, затеряться, слиться душой и жизнью с природой! Только если б мог здесь очутиться интернет и какие-нибудь современные удобства, конечно...

И она покорила «свою» африканскую гору! Ортего заснял её на пике восторга, с блестящими глазами и распахнутыми вверх ладонями, на фоне неба цвета индиго и ярких полуночных звёзд.

Ей потом казалось, или Ортего в самом деле был мрачен и лишь нехотя следовал за ней? Охваченная впечатлениями, Марина едва замечала своего почти безмолвного спутника. Что было у него на уме? Им попадались машины и люди, туристы с камерами, слышалась разноречивая речь. Что-то было не так?

Ах да, путешествие заняло больше времени, чем они рассчитывали, Ортего опоздал на работу, ему что-то там грозило. Но неужели он, родившийся в этих местах и ни разу не поднявшийся на вершину, о чем-то сожалеет?! Или прежде Марина ошибалась, думая, что вышла замуж за темпераментного негра?

Поток больных не иссякает день ото дня, ни одной докторской жизни не хватит на его обмеление.

Фитнес

А вообще жить Марине было пресно. Тем более, что Ортего время от времени куда-то уезжал и не говорил, куда. Но ещё больше ей действовало на нервы противодействие мужа. Он заявил, что работа журналистом – это всегда политика или криминал, он не хочет, чтобы она ввязывалась во всё это. Но цикл статей о трущобах она потихоньку написала. Гонорар перевели на открытый ею в тайне счёт. Прежнее безоговорочное доверие между мистером и миссис Оконджу куда-то ушло. К тому же Марина уже изрядно нахлебалась романтики, и побег с любимым из родной страны перестал казаться слишком удачной авантюрой. Хотелось общения с близкими, но гордость не позволяла пойти на попятную. Чего она добилась? Смогла ли доказать хотя бы себе, чего стоит?

Нет, она стала домохозяйкой, годной лишь для ублажения мужа, наведения порядка, стирки, готовки да выслушивания бесконечных рассказов о больных и трудностях кенийской медицины. А это настроения не добавляло. К тому же она почти всегда была одна, знакомства заводил Ортего категорически запретил. Хм, попробовал бы он ей что-то запрещать в России! А здесь в нём прямо проснулся хозяин и чуть ли не рабовладелец.

...Ортего взял им абонемент в тренажёрный зал. Там можно было сбросить лишнее напряжение.

Марина механически выполняла упражнения на тренажёрах, переходя от одного к другому. Мысли её были заняты. Даже не заметила, что среди мужчин она одна.

Ах-ах-ах, её спортивная фигурка в облегающем костюме привлекла внимание шоколадного мачо. Следуя за ней, он переходил от снаряда к снаряду, но движения его были медлительны, тренироваться по-настоящему ему явно не хотелось.

Маришка мельком огляделась и невольно задержала взгляд на бритоголовом негре, в красных штанах и майке с номером. А думала, что уже привыкла к негроидной расе. «На гориллу похож», – пронеслось в голове. Взмах её головы негр расценил почему-то как предложение подойти.

Марина быстро переступала по беговой дорожке, потому не видела, что творится у неё за спиной. Негр тоже не видел. Ортего уже давно наблюдал за женой. Как она выделяется, демонстрируя всем своё упругое тело! И даже не смотрит вокруг, так уверена в своей неотразимости. А тут уже двое стоят в слюнях, а третий... О, этот наглец уже и не скрывает, что перемещается следом за ней. Вот он решил сократить расстояние, получив аванс – Маришкины глазки стрельнули из-под чёлки.

Не помня себя от ревности, Ортего налетел на соперника. Когда Марина обернулась на грохот, два темнокожих гиганта мутузили друг друга кулаками-гирями, задевая оборудование. О, этот неистовый темперамент! Сверкающие белками глаза! Подоспевший персонал прекратил побоище, в которое мигом ввязались ещё несколько атлетов. Марина зло захлопала в ладоши:

– Bravo, Ортего! Твой главный приз! – и стремглав скрылась в раздевалке. Главным призом она назвала огромный лиловый кровоподтёк на скуле.

– Фитнеса больше не будет, – объявил он ей дома.

– Как же! Отелло расвирипелло и задушило Дездемону!

Марина презрительно дёрнула плечами. Кто бы сомневался!

– Пойми, ты – моя женщина! Я не буду смотреть, как ты выставляешься перед другими мужиками.

А вот тут она не стерпела.

– Я выставляюсь? Может быть, принесёшь мне чадру и замотаешь с ног до головы в платок?

Возмущение её было так велико, что негр смешался.

– Марина, но ведь он смотрел на тебя с вожделением.

– Да мне вообще плевать, кто как на меня смотрел! Ты теперь всем будешь глаза выдёргивать?

– И всё-таки больше туда мы не пойдём. Давай купим домой какой-нибудь тренажёр.

И отныне Маришка вертела педали дома. Ортего не поспешил, хотя она выбрала не самый дешёвый агрегат. Втихую продолжала кропать статейки в газету – благо, Ортего был слишком занят и не читал ничего, кроме медицинской литературы. Приняли и первоначальный отзыв о столице, и рассказ о путешествии в национальный парк. Пригодились и фотки. Она загрузила их с фотоаппарата на гугл-диск. Там же хранились кадры из трущоб.

Её печатали за подписью Марио. Герой детской электронной игры напоминал ей о прежних временах. Было у них что-то общее с этим неунывающим пройдохой, который бесстрашно пёр на рожон и побеждал, если игрок был не трусливый.

Новый год

Это противоестественно, но и прикольно – встречать Новый год без снега, в краю вечного лета. Собственно, активно празднуется Рождество, и именно в ночь на 25 декабря Марина и Ортего отправились на крышу отеля, приютившего их в июне. С высоты им сверкали повсюду огни, проносились, сигналиа и переливаясь, автомобили с теми, кто припозднился. Праздничное убранство столицы мало чем отличалось от привычного европейцу. Разве что приветствия-растяжки были на других языках. Казалось в эти дни, что представители всех племён и народностей стремятся перещеголять друг друга красотой слога и витиеватостью пожеланий.

Марине пришёлся по душе кофейный ликер «Кения Голд». Ортего пил какой-то местный алкогольный напиток, запах которого заставил его жену сморщить носик. Наяма чома – традиционное рождественское блюдо, по-особому приготовленный кусок козьего мяса, что подаётся вместе с чапати, плоской лепёшкой. Этот «гвоздь программы» восторга у Марины не вызвал, зато Ортего с большим аппетитом расправился с обоими кусками. На лепёшку девушка положила распаренные зёрна кукурузы и морской коктейль – морепродукты были её слабостью, особенно креветки. Ей также нравился рис, приготовленный с пряными травами. Конечно, вне конкуренции душистые фрукты, словно сорванные в райском саду.

Веселились с танцами, музыкой, под фейерверки. Сновал неутомимый Санта Клаус. Среди празднующих Рождество на крыше отеля было много туристов, Марина оживилась, услышав славянскую речь. Трудно было спутать с какой-то другой итальянскую, присутствовала и английская, в том числе в американском «изводе». Парочка французов оживлённо обсуждала красоты Найроби. Кроме Ортего, было два негра и дама-мулатка.

Оконджу муж и жена покружили в танце, Марина отметила, как захмелевший Ортего недобро косится то на щуплого болтуна-итальянца, то на дородного («а як же ж!») славянина. Да, и они, и кто-то ещё посматривали на Марину – издали! Если учесть, что на крыше их было не так уж и много, а женщин вообще по пальцам можно перечесать, то ничего удивительного в этом не было. Конечно, Марина оделась нарядно, так праздник ведь! И чем-то особым она не выделялась. Но Ортего резким движением отвёл её в сторону и принялся выговаривать, в уже известных ей выражениях пеняя на распущенность, кокетство и неприличные заигрывания взглядами.

У Марины была привычка: в нервный миг теребила обручальное кольцо, перемещая по пальцу. «Господин доктор», как она звала мужа мысленно в такие минуты, сказал что-то особенно грубое, рука у Марины дрогнула, и словно крошечный сверкнувший метеорит сорвался с крыши небоскрёба к земле. Оба замерли. Ортего выругался и бросился к лифту. Марина вернулась за столик. И примета дурная, и праздник испорчен. Но не пропадать же добру в эти последние спокойные минуты!

Марина, не торопясь, доела мидии и креветки, потом перешла к фруктам. Пробегавшего мимо официанта попросила принести бокал кофейного ликёра и что-нибудь на десерт. У неё так случилось: в неприятной ситуации вдруг резко пронзал голод. Так что к возвращению мужа столик был практически пуст. Очевидно, розыскная деятельность и пробежки по холлам несколько распылили горячность негра. Он шумно уселся напротив жены и, не глядя на неё, коротко крикнул что-то официанту. Тот быстро принёс бокал с холодным напитком и счёт. Ортего плеснул в себя жидкость, не отпуская парня, расплатился и бросил Марине: «Идём!»

Ей и самой было жаль хорошенькое колечко, выбирала его долго и придирчиво, любовалась потом, то поднося к зеркалу, то ловя лучик и пуская им зайчиков. Рада была! Что ж говорить об Ортего, оплатившем обручалку...

Дома подвыпивший муж, конечно, устроил скандал, до утра продолжалось всё это непотребство. Ревность бушевала в нём гораздо сильнее, чем досада из-за потерянного кольца.

Так что Рождество не задалось. Разве только подарки, что были собраны для маленьких школьников в редакции, – Марина с двумя девушками и корреспондентом-сопровождающим активно участвовала в укладке и доставке, раздавала сияющим детишкам сладости, канцтовары, книжки и игрушки. Всё-таки приятно видеть результаты своего труда. Она уговорила мужа вместо дежурных подарков друг другу доставить радость детям.

Новый год решили встречать на воде. Взяли лодку, фонари, свечи, шампанское и провизию. Это был один из традиционных видов празднования. Особенно преуспели туристические фирмы, на все лады расхваливая падким на диковинки европейцам интересный обычай. Городское начальство подсуенилось и организовало очистку берегов и вод в местах особо популярных.

В пределах видимости Марины было несколько десятков лодок. Она не ожидала, что Ортего так хорошо гребёт на вёслах. Оказалось, ещё до встречи с ней он занимался греблей в московском клубе. Новогоднюю ночь он не случайно предложил провести таким образом: романтично, и он хорош в гребле, Марине должно понравиться (сколько можно им дуться из-за кольца?), не так затратно, и, наконец, они в лодке будут одни, вдалеке от похотливых самцов.

Волны тихо качали, небо и вода отражали свет луны и огней, свечи потрескивали на кулинарном шедевре, пузырьки шампанского весело бежали к краю. И вот – бом! С наступившим! Зазвенели бокалы, раздались восторженные возгласы, взвились в небо мириады разноцветных искр – от грохота фейерверков заложило уши. Марина смеялась и вертела головой: отражения небесных всполохов в водной ряби рождали немислимую пляску огней всех оттенков, такой красоты ей видеть ещё не приходилось. Ортего смотрел на отблески в её глазах и заново переживал всколыхнувшиеся чувства к ней.

Они обнимались и целовались посреди празднующего, впавшего в буйное веселье ночного мира, бокалы звенели неслышно посреди всеобщего шума и ликования. Они кормили, дурачась, друг друга с ложечки – не каким-то местным непонятным салатом, а самым настоящим оливье! Сколько же пришлось Маришке исходить магазинов, чтобы найти именно те продукты. Они без счёта чистили и ели мандаринки. Кремовые розочки снимали, смеясь, с торта губами. Жгли даже бенгальские огни. Но что, чёрт возьми, заменит запах хвои и снежные сугробы?!

Марина прижалась к груди негра и расплакалась.

А потом наступило первое утро года, и они отправились на пляж! Омоновение было массовым, так надлежало расстаться со всем прошлым, купанием в реке смыть с себя физическую и духовную грязь. И здесь не возбранялось погружаться в волны прямо в одежде, плескаться, орать и дурачиться. Марина наплавалась вволю, резвясь и шая на равных с детворой. Новый год на пляже – это весело!!!

Под спудом тел

«Господи, ну почему ты не надоумил меня выучить „Коран“?!» – с отчаянием думала Марина, не замечая абсурдности своей мысли. Их с Ортего разделили: она по обыкновению присматривала для себя миленькую новую шмотку, а он... В каком отделе находился муж, она толком не знала. Ох уж эта субботняя привычка бегать по торговым центрам! Но кто мог предполагать, чем на этот раз обернётся безобидный шопинг.

Вооруженные люди, паника, выстрелы – всё так быстро и неожиданно. Разбитые витрины, затоптанный пол, зловещий запах металла и свежей крови. И вот – они в заложниках, и грубые с бешеными глазами люди к сентиментальности не склонны. На месте расстреливают тех, кому чужд ислам. Чутким ухом Марина слышит – как хорошо, что стала разбираться в этих тарабарских наречиях – что задают вопросы о матери Мухаммеда, требуют цитаты из «Корана». Не растерявшая студенческих привычек, она пытается уловить и запомнить невнятные ответы перепуганных людей. О лице и руках уже успела позаботиться: из разбитого прилавка стащила тюбик с кремом цвета южного загара. Платком повязалась по-здешнему, забрав русые волосы и скрыв лоб. Всё это – под прикрытием широкого и рослого аборигена. Хорошо, что сегодня на ней оказалась длинная юбка.

Чудовище с автоматом – калаш или ей показалось с перепугу? – приближалось. Ребёнок вслед за мамой отрицательно мотает головой – нет, он не знает «Корана». Автоматная очередь, вскрики, падение тел, синяя и белая ткань набухает алым. Женщина успела зажать ладонью глаза ребёнку. Яркая пластмассовая игрушка из его рук, брякая, откатывается в сторону. Марина хватая ртом воздух, лицо наливаясь кровью, она силится бежать, чтобы вцепиться в глотку... Но свет внезапно меркнет, она валится как подкошенная под ноги людям, они молча расступаются. Под Мариной растекается красная лужица... Трупы отгаскивают к лестнице.

Ортего устал ждать жену и вышел на воздух, намереваясь позвонить ей. Очутившийся рядом мужчина оказался коллегой, они разговорились, непроизвольно удаляясь по аллее от торгового центра. Выстрелы, раздавшиеся внезапно у здания, заставили обернуться. «Марина!» – Ортего помчался назад, но увидел: идёт штурм. Вооруженные бандиты захватили торговый центр. Тут же подъехали полицейские, Ортего кинулся к ним: «Моя жена!»

Как же забыть весь этот сентябрьский кошмар?! Почти трое суток он ничего не знал о её судьбе. Потом сказали, что нападавших было всего-то полтора десятка человек. Больше полусотни убитых заложников, среди которых она пролежала много часов. Ортего помогал с ранеными, их было очень много, жадно охватывал взглядом, боясь и надеясь увидеть среди них Марину. Она очнулась сама, но не могла пошевелиться, придавленная со всех сторон постепенно остывающими телами. Лишь когда донесли до неё голоса, смогла издать протяжный звук.

Первенца они потеряли.

Похудевшая Марина через несколько дней вышла, наконец, из больницы. Мрачно пошутила:

– Во всяком случае, репортаж из первых уст у меня получится убойный.

– Не делай из трагедии шоу! – муж вlepил ей пощёчину.

Слёзы брызнули из глаз против воли. Побледнев, Марина закусила губы и промолчала, недобро прищурившись.

– Маленькая моя, прости, прости, я так за тебя испугался!

Ортего тыкался ей в лицо толстыми губами, пытался обнять. Марина сжалась в стальной комок. Он. Её. Ударил. После всего, что произошло.

– Я тебя никуда больше не отпущу одну. Мы поедем домой.

– Куда?!

– Туда, где мои родные. И с тобой всегда кто-нибудь будет. А этот город... Он слишком агрессивный для нас.

– Оба-на! Но сначала я напишу статью!

– Напишешь и отправишь по электронке, – примирительно сказал он, посчитав, что они благополучно помирились.

Марина ощутила в душе какой-то острый камешек. Собственно, они даже ещё не обсуждали своего будущего младенца, ещё было только: кажется, да. Поэтому безутешного горя от потери, кажется, и не было. Или не прошёл ещё до конца шок... Упавшие от автоматной очереди женщина с ребёнком были у неё перед глазами. За того ребёнка, выронившего пластмассовую игрушку, было очень больно.

Наверное, Марина и сама хотела уехать из этого ставшего страшным города. Только желание её пока не сформировалось. Требовалось пережевать, переосмыслить ещё раз всё пережитое, а для этого и надо писать. Для неё это лучшая терапия.

Её эмоционально бесстрастная статья выстрелила оглушительно, резонанс раскатился на несколько номеров.

Ужас пережитого намертво вцепился в её душу, ещё долго вскрикивала во сне, ощущая себя под грудой коченеющих тел.

Глава 15. Ольга и Светлана. Прогулки с Альмой

Благодаря Альме Ольге удалось удержаться на плаву. Прогулки дважды в день дисциплинируют. Хождение по окрестным рощам, полезное само по себе, даёт отдых нервам. Стираются следы людей, принесших негатив, общение с природой восстанавливает в душе гармонию. Без этой подпитки выдержать жизнь с Юлей было бы гораздо сложнее. Одно время компанию Ольге и Альме составляла Светлана.

Она ушла с рынка незадолго до операции. А потом ещё мучительные сеансы химиотерапии. Находиться дома было тяжело, заниматься активной деятельностью, хоть бы даже и шить, Светлана больше не могла. Сноха, безвылазно почти сидевшая дома с Татьянкой, умудрялась одновременно занимать комнату, кухню, ванную и прихожую. Так что свободы передвижения в собственной квартире больная пожилая женщина тоже была лишена. Как они раньше уживались здесь впятером (она с Олегом и трое детей), и никто никому не мешал, было теперь непонятно. После родов сноха поздоровела, и теперь ей везде было тесно. Впрочем, слёзы от того, что не влезла в старые штаны, мигом высохали при виде тортика.

На прогулках Ольга и Светлана говорили обо всём. Наверное, после дошкольного детства это было их единственное время наедине. Ольге невольно вспомнились встречи с Юрой и Джимом в парке. Сколько же времени прошло...

Часто говорили о Лиле. Ольга теперь могла выспросить у матери всё о её болезни, об их с Павлом истории любви – и заново жалела, что слишком мало они общались в последнее время. И обе склонялись к тому, что хотя бы символическая ритуальная могилка должна быть: навестить и положить цветы, помянуть, посмотреть на фотографию.

Говорили о родных, разлетевшихся по свету. От Маришки, как уехала, не было вестей. Светлана вздыхала и качала головой. Оля искала в интернете сведения об Африке и убеждала мать (и себя, конечно!), что во многих странах там современная жизнь, не сильно отличающаяся от привычной для нас. Но у Светланы в голове материк ассоциировался с измождёнными и голодными, поминутно умирающими чёрными рабами, СПИДом, каннибализмом, дикими племенами, опасными животными, с нищетой, голодом и инфекциями.

Ольга показывала ей фото африканских городов с многоэтажными домами, машинами, «по-человечески» одетыми аборигенами и убеждала, что ни в какие племена Маришка не попадёт, этой экзотики сохранилось не так много. Светлана верила больше своим дурным предчувствиям, а это здоровья не прибавляло.

О Павлике, младшем своём племяннике, Светлана вспоминала с чувством вины. В пятнадцать лет оставшись сиротой, он отдалился и замкнулся в своём горе, надо было его поддерживать и обогреть, а тут навалились свои заботы, и Олег так недолго потом прожил, и маленькая Юля, и Серёга как раз служил, за него переживалось... Но в Германии хоть всё цивилизованно, и Кэтрин его поддержит на родине. В том, что она давно самостоятельная, сомнений не было.

А Лёня совсем как отрезанный ломоть, видать, ушёл по стопам Павла в академическую науку и с тем счастлив. Впрочем, его вполне можно представить в роли оратора за кафедрой. Только прячет он что-то своё за научностями и шуточками, непроницаемый и неуловимый сердцем. Слышно, женился и отправился неожиданно в Финляндию – вот уж оригинал! Интересно, жена оттуда или русская?

– Мам, так если Лара. Наверное, у финнов другие имена в ходу.

– Всякое бывает.

Долго вспоминали город, куда он уехал – так и не сумели воспроизвести сложное название.

– Не филологи мы с тобой, мама, и географию помним не слишком хорошо.

Интересно, не это ли Ольгино замечание повлияло: Светлана купила карту, повесила в своей комнате. Она часто развлекала себя сканвордами, в трудных случаях обращаясь к карте и толстенной энциклопедии советских времён, которой в юности за что-то премировали Олега.

Когда гуляли втроём – Ольга с матерью и Альма, Светлана любила пообщаться с встречаемыми собаководами. Обменяться историями о питомцах, кормах и прогулках, постоять и посмотреть, как играют собаки. Ольга же в разговорах участвовала мало.

Однажды прицепился бессобачный дедок, всё спрашивал про Альму, не до конца веря в её беспородность. Говорил, что такой собаке непременно надо пройти курс дрессировки. Светлана возразила: дорого, а Ольга одна воспитывает дочь. «Ну вот зачем мама всегда эти подробности!» Дедок за словом в карман не полез: «А чего – дочка? Путь в детдом её сдаст да и займётся собакой!» Во даёт! И даже ни тени иронии или сомнения!

Ещё одну историю запомнили надолго.

Меж лугов и кустов притаился небольшой прудик. Альма первая его обнаружила по весне. Без сомнения почапала в заросли камыша. Глубина была, вероятно, меньше метра. И каждую прогулку собака стала принимать водные процедуры. Скорее, грязевые, ей это доставляло несомненное удовольствие. Что там было на дне – неведомо, женщины из-за топкости к берегу подойти не могли.

Как-то они разговорились с хозяином лайки, тот о прудике слышал впервые, и отправились к водоёму вместе. Светлана сказала:

– Кто его знает, что там на дне! Может, и стекляшки с банками – сейчас побегут, поранят лапы!

Альма стремглав по привычке понеслась в воду, лайка за ней. Буквально через минуту Альма взвизгнула и выскочила на траву. За ней тянулся кровавый след. Испуганный хозяин позвал своего пса, бегло оглядел его лапы и опрометью кинулся прочь. Мать и дочь, поразжённые, лишились дара речи. Рассечённую лапу долго пришлось лечить.

Вообще Альма не доставляла особых хлопот. Очень быстро поняла, как себя следует вести. Жила в доме, не на цепи, Ольга позволяла ей валяться на старом диване – разумеется, после того, как вытерли лапы. По приходе домой стояла у двери и ждала, когда снимут ошейник с поводком. В еде не привередничала, была деликатна: учуяв на столе вкусное, безмолвно сидела и ждала, когда с ней поделятся. Впрочем, была рада и куску хлеба. Сама лишь однажды покусилась на оставленный у края стола бутерброд, но после Ольгиного выговора больше опыт не повторяла.

Альма знала команды и довольно хорошо ходила на поводке. Но если вдруг поблизости оказывалась «конкурентка», шерсть на загривке вздыбливалась, собака не могла сдерживать эмоции и утробно рычала. Ольга с трудом удерживала поводок, скрученный до минимума, и повторяла вполголоса: «Тихо, тихо». Впрочем, через десять метров к Альме возвращалось спокойствие. Не любила она пьяных и странно пахнущих, в громоздкой одежде мужчин, подзревая в каждом угрозу для хозяйки. Специально охранные навыки никто не развивал, но если Ольге случалось гулять с Альмой в глуши, собирая малину или грибы, поводок частенько оставался лежать отцепленным где-то в траве. Собака тут же по собственному почину укладывалась рядом. А по молодости она в таких ситуациях бегала по округе, и требовалось скомандовать: «Ищи поводок!»

Ольга увлекалась фотографией: пейзажи, небо, цветы, бабочки. Это можно бесконечно щёлкать, а потом рассматривать на компе, изменять оттенки, выискивать лучшее. Не то что во времена её детства – плёнка в жалких 36 кадров, которую надо проявлять и фотки потом печатать, сокрушаясь об испорченных кадрах.

Цветы в полях попадались и редкие: ночная фиалка, например. Затерявшаяся среди густой травы, она источала удивительно красивый и сильный аромат. Ольга не срывала, приходила нюхать и фоткать. Через пару лет вся полянка благоухала, белых красавиц вылезло много.

Хорошо, что в густую траву кроме Ольги и собак никто не лез, не рвал, не мял. Хвостатые вели себя прилично.

Впрочем, парочка курьёзных случаев была. Резвясь, Альма умчалась за деревья. А выскочила оттуда незнакомая собака, сплошь чёрная. Во что она окунулась, неведомо. Ольга с трудом признала чудовище, еле отмыла потом.

На их окраине часто встречались утки. Нередко даже зимой грелись на теплотрассе. В остальное время плавали в прудах-болотах. Охотничий нюх Альмы гнал её за добычей, птицы проворно взлетали перед её носом. В тот раз, видимо, утка оказалась флегматичной. Она плавала в болотце среди зарослей ивы. Альме воды было до пуза, разогнаться негде. Ольга стояла на топком берегу. Собака и утка играли: птица шустро плыла, охотница пыталась её догнать, громко хлюпая лапами. Они кружили возле ивовых стволов с полчаса, Ольга охрипла, уговаривая Альму образумиться и отказаться от провальной затеи. Наконец удалось ухватить собаку за ошейник и, жертвуя обувью, выволочь на берег.

Обычно Альма слышала от Ольги только ровную и негромкую речь. Как-то попалась на глаза заметка, из которой узнала: слух собак острее человеческого в десять раз. То есть даже шёпот прекрасно слышен. И к чему тогда оскорблять барабанные перепонки? И как же достаётся беднягам в праздники от дурацких фейерверков! Альму берегли, надевая на уши связанный специально для таких случаев толстый «ободок».

Глава 16. Юля в школе и после

После смерти Юрия Ольга просила Кэтрин забрать из их дома пианино, чтоб не напоминало лишний раз.

– Пусть Юлечка учится играть, всё-таки гены... Я сама буду с ней заниматься!

Действительно, Кэтрин дала племяннице несколько уроков. Когда уезжала, поручила её заботам хорошей знакомой. В шесть лет Юля стала ходить в музыкалку, но к восьми совершенно забросила занятия, Оля устала уговаривать, и пианино из дома увезли. Отцовской тяги к музыке у девочки не возникло.

Гораздо интереснее оказался вариант с художкой.

В художественной школе была своя система: подготовительная группа, куда принимались дети до 10 лет, нулевой класс, и только потом – первый. Для тех, кто учиться хотел не с начала, проводились экзамены.

Юля поступила в подготовительную группу в девять лет. У неё выявились хорошие способности. Умиляла взрослых своими рисунками и пространственными рассуждениями. Простым карандашом с поразительной точностью копировала гипсовые бюсты и денежные купюры.

А математический склад ума уже к третьему классу одолел все действия с дробями, Ольга рассказала дочке про степени и квадратные корни, а потом помянула логарифмы, о которых сама помнила довольно смутно, – что это сложно, Юля разберётся, когда доучится до десятого класса. Но ребёнок канючил, требуя подробностей. Тогда Ольга просто принесла старый обшарпанный «Справочник по элементарной математике». У тёти Зины, бывшей математички, была целая полка справочников и методичек. Все их слизнул жадный пламень. Эта книжка осталась от старой хозяйки дома, сын которой когда-то учился в техническом вузе.

Юлька примчалась быстро, и Ольга услышала её неуступчивое и бойкое: «И ничего тут нет сложного. Логарифм – это...» Определение ребёнок выдал без запинки. Собрав остатки знаний, мать припомнила: «А ещё бывают десятичные логарифмы». – «А я сейчас тебе про какие рассказывала?» Занавес.

В один из летних дней Ольга с дочкой возвращалась от Гладковых. К чему прозвучало слово «фотосинтез», она не запомнила. Но двадцатиминутная, изобилующая научностями лекция, которую Юля ни разу не позволила перебить, была из ряда вон. «Через дорогу, зелёный, давай руку», – Юля морщилась и нервно трясла головой, раздражённо бросая: «Не перебивай!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.